

Леонид Гришин

Эхо войны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9371362
Эхо войны / Леонид Гришин: Нордмедиздат; Москва; 2012

Аннотация

Автор в рассказах повествует о людях и судьбах. Почти все рассказы начинаются на рыбалке у костра, где сама природа способствует желанию человека раскрыться и рассказать о самом сокровенном. В трагических судьбах героев видишь благородство, мужество, любовь и верность. Читателю порою может показаться, что это он сидит у костра и переживает случившиеся события: иногда печальные, иногда трогательные, а иногда и несправедливые. Но в них всегда есть надежда. Надежда на то, что всё было не зря. Надежда на собственных детей, на то, что их не коснётся жуткое Эхо Войны, и не будет больше боёв, которые в мирное время снятся и не дают покоя.

Содержание

Я знал твоего отца	4
Два «В»	10
Шурка	18
Казан	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Леонид Гришин

Эхо войны

Я знал твоего отца

В самом начале восьмидесятых в ФРГ была закуплена лицензия на оборудование для энергетического комплекса. Мне было поручено принять документацию, опытный образец, следить за изготовлением на фирмах, а также принимать станочное оборудование для освоения этой лицензии.

В восьмидесятые годы я часто бывал в ФРГ, посетил многие фирмы. Пришлось поехать по всей стране от Любека до Шварцвальда. Переговоры велись всегда примерно по одной и той же схеме. Мне, как прибывшему из-за «железного занавеса», задавали множество разных вопросов, большей частью о нашей жизни. Такие разговоры обычно начинались во время «кофейного перерыва» – когда подавали кофе. Задавали самые разные вопросы: на одни было интересно отвечать, на другие же отвечать не хотелось, потому что уж слишком они были провокационными, а приезжал я один. Поэтому приходилось делать вид, что я недопонял вопроса.

Обязанности переводчика у нас выполнял немец по имени Гюнтер, хоть он и был записан в протокол как дипломированный инженер, а не переводчик. Немец отлично говорил по-русски, без акцента. Я даже сказал ему однажды: «Как хорошо вы русский знаете!»

– А у меня что русский, что немецкий – оба родные, – ответил он мне тогда.

– Как так? – удивился я.

– Я родился в Бобруйске, а в тридцать седьмом году, когда немцам разрешили из России вернуться в Германию, мы с родителями уехали. Мне тогда было пятнадцать лет, так что русский язык мне все равно что родной.

Кто-то спросил меня, где родился я. Я ответил, что на Кубани.

– А что такое Кубань? – последовал вопрос.

– Кубань – это район на юге, где протекает река Кубань. Краснодарский и Ставропольский края называются Кубанью.

Последовали вопросы о том, что такое край, значит ли это «край Союза»? Я рассказал немцам немного об административном делении нашей страны, объяснил им, что Кубань – это и есть Краснодарский край, в котором я родился, и что там небольшой городочек есть, который называется Новокубанск. Это и есть моя Родина.

Когда я произнес слово «Новокубанск», Гюнтер, переведя, вздрогнул, а после внимательно на меня посмотрел. Я не придавал этому значения; закончили пить кофе, приступили дальше к делам. Гюнтер до конца рабочего дня внимательно смотрел за мной, как будто напряженно пытался что-то припомнить...

На следующий день с утра у нас планировались переговоры, затем посещение завода в другом городе. День прошел в делах, а в конце этого рабочего дня Гюнтер пригласил меня в гости к нему домой. Я принял приглашение.

– Если вам удобно будет, в двенадцать часов я заеду, – сказал он мне.

– Хорошо, к двенадцати часам я буду ждать.

На следующий день к двенадцати часам он приехал за мной на шикарном белом «Мерседесе» с кожаными сиденьями...

Дом у Гюнтера – трехэтажный особняк, вокруг растут березки, елочки. Подъехав, перед нами автоматически открылись железные ворота, и мы въехали во двор. Во дворе стояла еще одна машина.

Когда зашли, появилась фрау, он представил – это его жена. Она извинилась, что не может составить нам компанию, сослалась на неотложные дела и сказала, что все необходимое для нас сделает Марта. Гюнтер пояснил, что это домработница, и мы отправились смотреть дом.

Конечно, в восьмидесятые годы о таких домах русским вообще и мечтать не приходилось. На первом этаже располагались просторная кухня, гостиная. Второй этаж – большущая спальня, библиотека, она же и кабинет, а также детская. Попутно Гюнтер рассказал, что несмотря на то, что дочь уже выросла, комнату продолжают называть детской. Санузел, ванная, душевая кабина – в то время редкость для русского человека. Третий этаж он назвал гостевым. Здесь было три спальни, причем в каждой спальне свой санузел, без ванн, но с душевыми кабинами и уборными.

Далее мы спустились вниз и пошли в правое крыло. Здесь, как объяснил Гюнтер, у них располагались сауна и бассейн. Бассейн – три на пять, а перед ним громадное окно, выходящее в сад. Сад, правда, небольшой – несколько деревьев и газон.

– Здесь сауна, а это вот – хозяйственный этаж – там прачечная и прочее, – продолжал показывать Гюнтер.

Пройдя дальше, я увидел помещение, в котором находились непонятные емкости довольно большого размера.

– Это солярка и дизель-генератор, – пояснил мне Гюнтер, – я могу целый год здесь жить автономно, не пользуясь внешней электроэнергией.

Показав мне дом, хозяин пригласил меня за стол, который Марта уже накрыла. Гюнтер налил шнапса, а бутылку «Столичной», прихваченную мною из гостиницы, спрятал в шкафчик.

– Давай за знакомство! – громко сказал он.

Мы выпили. Я взял вилку, примерился, какой бы кусочек наколоть, чтобы не нанизать сразу половину закуски, но вдруг услышал, как Гюнтер сказал: «Я знал твоего отца».

Вилка, которой я уже почти подцепил закуску, выпала у меня из рук. Откуда он мог знать моего отца, когда мой отец вообще никогда не выезжал за границу?

– Извини, как ты мог знать моего отца? – сказал я, подняв вилку.

– Я знал его. Когда ты сказал, что родился на Кубани, в Новокубанске, я на тебя посмотрел и сразу вспомнил одного человека, а потом подсчитал и понял, что это твой отец. Если тебе интересно, могу рассказать.

Естественно, мне было интересно, я положил вилку и приготовился внимательно его слушать.

– Как я говорил, я родился в Бобруйске. В тридцать седьмом году, когда немцам разрешили выезжать в Германию, мы с родителями уехали. В сороковом году меня призвали в армию. Но меня и еще некоторых «русских» немцев, знающих русский язык, стали не только военному делу обучать, но еще и технике перевода. Мы стали с документацией работать, техническую литературу, банковские документы переводить...

...Началась война, естественно, мы стали служить переводчиками. Работа первое время была сущим кошмаром! Надо было переводить военные документы, архивные записи, множество перехваченных телеграмм и служебных писем... Работы было невпроворот, а документы приходили целыми эшелонами. Служба моя была, можно сказать, вдалеке от фронта. К чинам я не стремился, хотя какие-то звания и присваивали постепенно...

И вот однажды я был срочно вызван на допрос. Следовательно необходим был переводчик. Мне в первый раз пришлось быть на допросе, и знаете, мне даже дурно стало в какой-то момент, потому что слишком уж условия экстремальные, но я должен был переводить...

Через какое-то время меня опять вызвали на допрос. Допрос этот я по сей день помню. Допрашивали девушку, почти ребенка, а допрашивал садист самый настоящий. Это был не допрос, а издевательство. Я не знаю, что со мной случилось... Короче, дал я тогда офицеру прямо по морде. А в военное время это трибунал. Не знаю, кто там за меня поручился, но закончилось тем, что меня просто разжаловали до рядового. А мне даже было и лучше – на допросы меня больше не приглашали.

В плен попал рядовым к американцам. Мы радовались, что к американцам, а не к русским, потому что много мы бед, конечно, русским принесли... Зря радовались. Оказалось, что наш лагерь отошел к русским. Американцы нас по списку передали... Нас построили в колонну, посадили в ужасные вагоны, и мы поняли, что нас везут в Сибирь. По вагону ходили разные рассказы о Сибири, говорили, будто там мороз, медведи и больше ничего нет. Думали, что на погибель нас везут. Долго пришлось ехать в этих вагонах. Иногда нам что-то давали есть, а иногда забывали давать и воду. Привезли нас не в Сибирь, а в какую-то станицу. Позже я узнал, что эта станица называлась Новокубанская. А ты сказал: «город Новокубанск»...

– В 63-м году станицу переименовали в город.

– Я так и понял. Нас там поселили, офицеров, конечно, отдельно, а нас, солдат, заставляли работать на кирпичном заводе, а иногда на спиртзаводе. Мы на спиртзавод с удовольствием шли, потому что кормили нас плохо, а на спиртзаводе можно было иногда, не скажу, что украсть, но подобрать кукурузу, или пшеницы горсть, или еще чего-нибудь. Потому что русские все-таки не очень, надо отметить, аккуратные, и это мы наблюдали. Нас заставляли ящики перетаскивать, разбирать оборудование, а рядом зернохранилище было. Вот с этого зернохранилища возили зерно и кукурузу. Иногда везли в драных мешках, из мешка сыпется пшеница, а возница, видя, что сыпется, не обращает никакого внимания. Но этого-то мы и ждали. Позже мы в пыли выбирали эти зернышки, естественно, если охранник позволял. А когда возили кукурузу, то падали целые початки, а возница их не подбирал. Если нам удавалось подобрать, мы их прятали, приносили в лагерь, измельчали кукурузу в ступке и варили себе что-то вроде каши.

Был там один охранник. Молодой, но зверь зверем был, самым настоящим. Ему, казалось, доставляло удовольствие бить нас, причем он мог бить чем угодно и за что угодно. Мог кулаком в лицо ударить, ногой в живот, а иногда тем, что под руку попадало, даже непонятно за что. Звереныш был, хотя и молодой совершенно. Так было и в тот день...

Гюнтер замолчал, потянулся опять за бутылкой шнапса. Налил, и мы, не чокаясь, выпили.

...С брочки упали два початка кукурузы. Возница глянул и, не обращая внимания, поехал дальше. В тот день мы работали с Куртом. Товарищ мой был... Мы с ним улучили момент, когда отвернулся охранник, схватили по початку и спрятали за пазуху. Охранник это заметил и стал к нам приближаться. У него в руках оказался железный прут, кусок арматуры.

– Давай, – говорит.

Но Курт не понял его, он не знал русского. А я сразу же выгащил початок из-за пазухи и отдал ему. Страшный удар получил я по спине этой железкой, когда тот забрал у меня из рук початок. А Курт стоял, ничего не понимая.

– Ну, ты что стоишь? Не понял что ли? Так я тебе мозги сейчас вправлю! – закричал на него охранник.

Курт неуверенно достал свой початок и отдал, а охранник прутом ударил Курта прямо по лицу. Я видел, как у него лопнула кожа и оттуда брызнула кровь. Курт схватился за рану и упал. Охранник повернулся ко мне: я вжал голову в плечи, руками прикрыл лицо, при-

готовился к тому, что сейчас со мной то же самое будет, думал, что сейчас этот звереныш изуродует мне лицо или пробьет голову. Я уже видел, как он занес над моей головой этот железный прут, и вдруг услышал чей-то голос:

– Отставить!

Я стоял, сжавшись, ожидая, что в любую секунду на меня обрушится удар. Проходит две секунды, три секунды – удара нет.

– Ваня, ты что делаешь? – слышу я чей-то голос.

– Да вот, гады-фашисты кукурузу воруют, ну, я их и учу, что воровать нельзя.

– Как они воруют?

– Ехал этот идиот, у него с брочки падает кукуруза, он не подымает, а эти схватили да запрятали.

– Вань, так они же не украли, они подняли. . .

– Так и что же, эти гады-фашисты подняли, ихнее что ли?

– Вань, гады-фашисты сейчас в Нюрнберге на скамье подсудимых, а это солдаты, причем военнопленные. За что ты их бьешь? Они уже отвоевали свое. Мы победили фашистов, а ты теперь сам похож на фашиста, Вань. Разве можно бить невооруженного человека, да еще таким оружием, как у тебя в руках. Разве я тебя этому учил, Вань? Ведь они же люди! Ты посмотри, ты же изуродовал человека, как так можно, Ваня? Я не думал, что ты такой жестокий.

Тот мужчина нагнулся над Куртом. Курт лежал почти без сознания, а у него по лицу лилась кровь. Спасший меня мужчина вытащил платок и отдал Курту, Курт зажал рану, а он взял его за руку и поднял.

– Вань, я возьму его?

– Да, конечно, Батя, – сказал Ваня немного другим голосом.

А я так и стоял со вжатой в плечи головой и прикрывал лицо руками. Этот человек повел Курта, а я стоял и не знал, что делать.

– Ну, что стоишь? Иди работай!

Я хотел уже идти, но он снова меня окликнул.

– Нет, постой! Иди сюда!

Я подошел, он достал портсигар и закурил.

– Курить будешь?

Я молчал.

– На, закуривай!

Я закурил, он дал прикурить от своей папиросы. У вас тогда сигарет не было, папиросы были.

– Что, больно было? – спросил он меня после того, как я затынулся.

– Да, больно!

Он помолчал.

– Слушай, а этому тоже больно было, которого я ударил?

– Очень больно. . .

– Ты вот что, знаешь, возьми папиросы, – и протянул портсигар.

Я поначалу побоялся их взять, думал, что протяну я руку к портсигару, а он или другой рукой меня по лицу двинет, или ногой в живот.

– Да что ты боишься?

Он вытащил все папиросы из портсигара.

– На, отдашь этому.

Смотрю я на него и не понимаю, из-за чего произошла такая перемена. . . Еще недавно это был садист-зверенок, который бил нас чем попало, а сейчас передо мной стоял просто мальчик с добрым лицом.

– Тебе больно было? На, возьми кукурузу, возьми, не бойся.

Я опять побоялся протянуть руку, поэтому он мне эти початки прямо в руки сунул:

– На! Возьми.

Я взял, а он в глаза мне не смотрит, а только тихо проговорил:

– Меня Батя отругал, – не ко мне обращался, а просто сам себе говорил, – Батя меня отругал, – сказал он вновь.

Очнувшись, он оглянулся и велел мне идти работать. Я пошел, не веря своим глазам. В моей голове не могло уложиться, что за такая метаморфоза произошла с этим человеком, которого мы считали настоящим садистом.

Я передал початки своим друзьям, которые спрятали их, потому что я боялся у себя их держать. Пришел Курт с перевязанным лицом. Он что-то держал за пазухой, озираясь на охранника. Мы его окружили, а он достал из-за пазухи тонко порезанный хлеб и такое же тонко нарезанное сало и сказал нам, что ему это дал тот мужчина, а он свою долю съел. Мы, конечно, это быстро разделили и проглотили. Вкуснее этого сала и хлеба я никогда в жизни ничего не ел.

Курт рассказал, что этот мужчина, который его поднял, отвел его в медпункт, где ему промыли рану, смазали и забинтовали. Мужчина сказал врачу, чтобы тот дал бинтов и йода. Потом он провел Курта к себе в кабинет, открыл шкаф, достал оттуда стакан, налил спирта, разбавил его водой, достал также хлеб и сало. Пододвинул мне стакан и кусок сала: «Пей, ешь». Затем этот мужчина порезал хлеб и сало и сказал, чтобы он отдал это нам.

Я запомнил того мужчину на всю жизнь. Мы с Куртом еще долго удивлялись, как он двумя фразами зверя превратил в человека. Потом этот охранник-мальчишка перестал замечать, когда у возницы из мешка сыпалось зерно, и мы безнаказанно потом из пыли его доставали. Он даже иногда останавливал возницу, который вез кукурузу, будто бы прикурить у него, а с брочки в этот момент падали один или два початка. И возница, и охранник на это не обращали внимания. Мы вначале боялись к ним прикоснуться, помня, как был избит Курт, да и я тоже по спине хорошо получил. Но однажды, когда мы собрались и схватили эту кукурузу, то охранник даже отвернулся. После этого мы поняли, что он больше не против того, чтобы мы подбирали упавшее. Конечно, мы были ему благодарны, простили ему те побои, которые были в прошлом, ведь мы столько горя принесли на эту землю, поэтому считали, что побои, которые получали, в некотором роде даже заслуженные! Хотя виноваты и не мы, а, как правильно сказал тот мужчина, твой отец, что настоящие фашисты в Нюрнберге сидят на скамейке подсудимых. А мы выполняли приказ, нам приказывали – мы делали. И сейчас нам приказывают, а мы делаем...

Когда прошло немного времени, мы осмелели, потому что поняли, что это вполне нормальный, добрый человек, еще практически мальчишка.

Однажды я спросил его про того человека.

– Ты назвал его Батей, он что, твой отец?

– Нет! Какой отец? Батя!

– Батей у вас отцов называют, – заметил я.

– Отец – отец, а это Батя, мы все его Батей зовем.

– Кто все?

– Как кто? Все. Все партизаны. Он наш командир – Батя! Солдаты, военные – они его командиром называют, а мы, пацаны, его Батей зовем. Он и есть Батя нам...

– Я того мужчину запомнил на всю жизнь. Когда я тебя первый раз увидел, в лице твоём мне сразу померещились знакомые черты. А когда ты сказал «Новокубанск», да еще фамилии одинаковые, и отчество у тебя Петрович, так я и понял, что это твой отец. Жив он еще?

– Да, ему сейчас восемьдесят шестой год, – ответил я.

– Да? Передай ему привет! Скажи ему, что мы помним его, и я, и Курт. Мы, ветераны, когда собираемся, часто вспоминаем, как он всего двумя фразами садиста превратил в нормального человека – в доброго, уступчивого и даже в чем-то сочувствующего нашему положению. У вас тоже, наверное, есть общество ветеранов? У нас здесь есть, может быть, не такое, как у вас, но есть. Хорошо бы, чтобы наши дети не воевали, ни против вас, ни против нас, ни против других. У тебя дети есть?

– Есть.

– Кто?

– Дочери.

– У меня тоже дочь одна, и еще внук есть...

Мы посидели, еще выпили. Я начал прощаться, Гюнтер отвез меня в гостиницу. Когда я лег, то задумался вот над чем: этот немец, бывший военнопленный, сейчас живет в таком огромном доме – практически во дворце, по моим понятиям; на пенсии, и, как он рассказывал, вдвоем с женой они не могут пенсию его, ренту, как у них говорят, потратить. Я вспомнил, как Гюнтер говорил:

– Видите ли, у меня жена не любит готовить, поэтому утром мы подымаемся, поплаваем сначала, потом пьем кофе и заказываем завтрак в кафе, заодно прогуляемся и в кафе позавтракаем. Вечером, если никуда не идем, мы с друзьями заказываем обед в ресторане. Нам не потратить мою пенсию.

Я вспоминал своего отца, он тысяча восемьсот девяносто пятого года рождения, прошедший три войны: Первую мировую, Гражданскую и Вторую мировую, имеющий и царские награды, и Советские военные, и Советские трудовые, сейчас уже в довольно преклонном возрасте. Живет в двухкомнатной квартире, с удобствами на улице, до сих пор печку топит дровами и углем, газ, может быть, когда-нибудь и подведут. Получает пенсию в сто рублей, чтобы еще как-нибудь подработать, он выращивает цветы. Люди приходят и покупают у него. Вот какая разница между ветеранами одной и той же войны.

Два «В»

В тот раз я решил провести отпуск на родине – это значит на Кубани. Хорошее место Кубань, Краснодарский край! Много о ней написано, много рассказано. Мне хотелось просто порыбачить. Я люблю прудовую рыбалку: с удочками, поплавками и, конечно, спиннингом. Но спиннинг – это не помечтаешь особо, не задумаешься – там надо все время работать руками. А удочку – поставил, и можно заняться своими мыслями. Мне как-то не везло в тот раз. Ни на одном пруду ничего крупного не поймал.

Потом мне посоветовали проехать на хутор Петровский. Сказали, что там есть частный пруд, где выращивают рыбу и за плату пускают рыбаков. Но не всех подряд. Но по каким критериям пускают – не понятно. Командуют там 2В. А что такое «2В»? Узнал, расспросил. 2В – это значит два близнеца – один Виктор, другой Владимир. Но их никто никогда не может различить. В 80-е годы, когда председателей уже не назначали, а выбирали, их единогласно колхозники выбрали председателями. Сразу обоих, потому что все равно не могли различить, кто есть кто. А эти два близнеца закончили институты, причем, опять же, не понятно, кто из них по какой специальности. Один получил диплом агронома, а другой – зоотехника. Хотя лекции по предметам обеих специальностей они посещали по очереди. А когда выбрали их председателем, то тоже вышла неясность. Кто из них председатель, кто агроном, а кто зоотехник? То есть, они вдвоем были как три разных лица. Тем не менее, при них в колхозе стало жить лучше.

Но ненадолго. Нашлись умники из вышестоящих, которые захотели разделить колхоз на паи. И 2В стали фермерами, но фермерами с большой буквы. Когда колхоз полностью развалился, они выкупили чужие паи, земли, вплоть до того, что местный пруд стал находиться на их территории. И сейчас, говорят, они там хорошие хозяева.

Я решил съездить и посмотреть, может, в самом деле, будет нормальная рыбалка. Показали мне по карте как проехать – дорога туда вообще хорошая. Живут они на хуторе с краю.

У меня тогда была «Волга» ГАЗ-24. Я подъехал, как мне показали, к дому. Вышел из машины, смотрю – у калитки звонок. Позвонил.

На мой звонок вышел плечистый мужчина среднего роста. Своим открытым взглядом он сначала окинул меня, а затем машину. Далее, ничего не говоря, не приветствуя, подошел к машине, зачем-то надавил на правое крыло, обошел вокруг, заглянул под левое...

В это время, откуда ни возьмись, появилась его копия. Точно такой же мужчина, такого же роста, на лицо вообще различий нет, оба одеты одинаково. И этот второй точно таким же образом подходит, пробует мое правое крыло, обходит вокруг машины, заглядывает под левое.

– Я ж тебе говорил, что амортизатор не работает, а на левом игольчатый подшипник, – начали они диалог друг с другом.

Я стою, молчу, не понимаю, в чем дело.

Так они между собой поговорили, затем обратили на меня внимание, обернулись ко мне и поздоровались. Но удивило меня вот что: они назвали меня по имени-отчеству!

– Извини, Леонид Петрович, у нас с братом вышел спор, верно ли я угадал, – говорит один из них, – что у тебя правый амортизатор не работает, а левую подвеску надо хорошо смазывать. Уже игольчатый подшипник посыпался, как можно ездить на машине такой?

– Хватит басни, открывай ворота, – говорит один другому.

Один из них пошел открывать ворота, а второй, обращаясь ко мне, сказал:

– Заезжайте!

Я попросил прощения, сказал, что меня, наверное, неправильно поняли, объяснил, что я приехал на рыбалку.

– Все мы правильно поняли, заезжайте во двор.

Я заехал на внутренний двор их усадьбы.

В это время на крыльцо вышли две женщины.

– Ой, да кто ж к нам приехал? Приехал такой дорогой гость, что же вы молчите?! Это же Петрович приехал! Не могли вы раньше что ли предупредить? Я бы индюка или гусака приготовила. А чем же теперь будем угощать? Вдруг соседи узнают, что для такого дорогого гостя мы ничего не приготовили!

Я, признаться, шокирован был. Что за мистика! Называют меня по имени-отчеству, узнают меня, когда я первый раз их всех вижу.

– Танюша, да ты погляди, – обратилась одна к другой, – кто приехал. Приехал-то сам Петрович к нам, а нас и не предупредили! Как же мы ему в глаза-то смотреть будем? Дорогого гостя, да нечем встретить и угостить.

– Проходите, – сказали мне два брата, улыбаясь, видя мое удивление.

– Ребята, – говорю, – вы уж меня извините, но мы вроде бы незнакомы. Я хотел только порыбачить...

– Вот зайдем в дом и познакомимся, что нам?

Мы зашли в большую комнату.

– Давайте знакомиться! Меня зовут Владимир, это Анна – моя жена. Брата зовут Виктор, а жену его Татьяна.

Женщины засуетились, начали собирать на стол.

А на обед у них, на самом деле, очень даже было чего. На столе появились окорок, домашняя колбаса, не говоря уже о зелени, помидорах, огурцах – свежих, соленых – и еще многого другого. А Анна все приговаривала:

– Да как же так, нечем угостить самого дорогого гостя, не могли заранее сказать.

Я в недоумении наблюдал за всем происходящим, но мне все еще было неудобно. Я был уверен в том, что меня с кем-то путают. Смотрю, на столе появился графин с вином. Я вновь стал извиняться.

– Вы, наверное, ошиблись, к вам кто-то должен приехать, а я его опередил.

– Да кто к нам должен приехать? Вот ты и должен, вернее вы. Мы предполагали, что вы когда-нибудь да приедете.

– Но, простите, ведь мы совсем незнакомы!

– А вот сейчас по стакану выпьем и познакомимся.

Налили вина. Один из братьев (не знаю кто, Владимир или Виктор) стал произносить тост:

– Наконец-то мы дождались – к нам приехал дорогой гость, и мы его можем встретить как полагается. Кстати ты, гость, совсем не наблюдательный. Если ты помотришь на стенку справа, то уж кого-нибудь там узнаешь. Я взглянул и не поверил своим глазам.

– Так это же мой отец!

– Да, это твой отец, Петр Федорович, а ты – Леонид Петрович. Сегодня ты наш дорогой гость.

– Но, простите, какое отношение имеет моя семья к вам?

– Очень даже непосредственное. Давайте сначала за знакомство выпьем, а потом мы и расскажем.

Почему портрет отца оказался здесь, в совершенно незнакомом мне доме? Меня это очень заинтересовало. Я больше чем уверен, что мы никогда не были знакомы. Тем более, этот хутор находится довольно далеко.

Они тем временем в четыре руки меня угощали – появились борщ, сметана. Все было необыкновенно вкусно.

– А теперь вот туточки отдохнете, а потом будете своей рыбалкой заниматься, – обратилась ко мне Анна после того, как мы пообедали.

Я, конечно, пошел отдыхать, но мне все равно было стыдно за себя. Подозрение, что эти люди ошиблись и с таким радушием и доброжелательностью принимают не того, не покидало меня.

Но, тем не менее, я прошел, как мне показали, в комнатку.

Зашла Татьяна, принесла квасу.

– Вот вам квас прохладненький, если хотите. Я вам стаканчик поставлю. Если желаете, вот здесь графинчик вина, а на закуску фрукты. Вы отдохайте, а после уже и порыбачите.

Пришлось отдыхать. Во дворе я слышал какой-то шум, кого-то звали, кому-то отдавались какие-то указания...

В непонятной ситуации оказался я. Я захотел почитать, разделся и лег на кровать. Перина и подушки на этой кровати были такие мягкие, что как только я лег – сразу же крепко уснул. Сколько проспал – не знаю. Когда проснулся и вышел во двор, моя машина уже стояла в другом месте. Даже не знаю, каким образом ее сумели туда отогнать.

– Вот вам ручник умыться. Сейчас будем полдничать, – сказала мне Анна.

Я умылся, и в это время ко мне подошли братья.

– Вы не беспокойтесь, амортизатор уже заменили, поставили новенький. Татьяна смоталась, привезла. Игольчатые подшипники тоже поменяли. Треба хорошо смазывать, негоже так за машиной следить. Як тилько после дождя проехали, обязательно надо шприцевать. Машина – она, как и женщина, ласку любит. Ее аккуратно смазывать надо почаще. А так добрая машина. Видно, что в экспортном исполнении, хорошая машина, но запущена. Надо антикоррозийкой еще разочек пройтись. Пороги нормальные.

Они мне расписали все недостатки, какие есть у моей машины. И когда это они только сумели все сделать? И как это у них все получилось?

– Сейчас мы перекусим и пойдем рыбачить, – говорил Владимир, – я думаю, пойдем не на пруд, а к Кубани спустимся. Что на воду стоячую смотреть, надо смотреть на движение. Движение – оно создает жизнь. Оно и жизнь так течет. Причем течет иногда от хорошего к плохому, а иногда и от плохого к хорошему. Оно лучше, когда течет к хорошему. Надеюсь, что у нас все-таки течет к хорошему.

Я достал из машины удочки, они почему-то ухмыльнулись. Место то тоже было фермерским хозяйством.

– Это наше фермерское хозяйство. Здесь выходят наши поля, здесь мы оборудовали, – показывали они мне.

В самом деле, место было оборудовано. Здесь и столики, и мангал стоял, и навесы сделаны.

– Мы иногда здесь отдыхаем.

У мангала встал Виктор, начал заниматься шашлыками. Пришли женщины с корзинами, Татьяна и Анна. Стали из корзин выкладывать продукты – загляденье. Окорока холодного копчения, колбасы домашние и... маленький зажаренный поросенок. Когда только все это можно было успеть сделать?

Я подумал, что столько еды вряд ли предназначается только нам, поэтому спросил:

– А что, еще кто-то будет?

– Да яки ж могут еще быть гости, когда самый дорогой приехал.

Сели, опять появилось вино.

– Если хотите, водочки, коньяку?

Я был склонен к вину. Выпили по рюмке, второй. Стали закусывать. И я, наконец, обратился к ним:

– Ребята, расскажите, в чем дело? В чем суть? Почему вы так незнакомого человека принимаете?

– Да какой же ты нам незнакомый? Ты нам, считай, как родственник, поскольку мы твоего отца, Петра Федоровича, считаем своим вторым отцом. Есть, как говорят сейчас, биологический отец, который по природе родной, и второй отец, который родным стал в течение жизни. Дело в том, что отец твой воевал здесь, был командиром партизанского отряда. И наш отец воевал вместе с ним. Когда немцы отсюда ушли, наш отец был помоложе, поэтому пошел в действующую армию. А твой отец остался здесь. Наш вернулся с войны на деревяшке – одной ноги нет. И рука – культяшка. Стал работать сторожем в колхозе.

... Не знаю, кто из них – Владимир или Виктор, продолжал:

– Дальнейший наш рассказ будет, в основном, со слов матери. Дальше был 1946 год. Год на Кубани и на Украине неурожайный. Все то небольшое зерно, что удалось насобирать, – все переслали. Оставили только небольшой семенной запас. Вот этот вот семенной запас и охранял наш отец. А бригадир был неизвестно откуда-то приехавший родственник председателя. Грубейший был человек. О тех, кто работал в амбарах на току, в то время, как говорили, трусили. Заканчивался рабочий день, и бригадир сам приезжал проводить осмотр. Это был позор! Женщин он заставлял раздеваться, чтобы проверить, не унесли ли они с собой зерно. Чуть ли не до нижнего белья заставлял раздеваться. Однажды наш отец не выдержал и сказал ему, что это низко. Тот на него, на инвалида, замахнулся, а отец его костью и огрел, и это отразилось на его дальнейшей судьбе.

Через несколько дней к нам пришли с обыском. Стали искать и нашли три початка кукурузы. Они давно хранились, спрятанные матерью как неприкосновенный запас. Правда, мы с братом иногда отламывали по одному зернышку перед сном и сосали это зернышко, как конфетку. Но почему-то эти три початка потом превратились в три мешка семенного зерна. Отца обвинили, что он, работая сторожем, воровал семенное зерно и тащил к себе домой, а также абрекам продавал.

Если помните или читали о тех временах, то знаете, что суды были скорые. Отца засудили, но недолго он протянул... Буквально через три месяца пришла бумага, что он скончался. Где умер, где похоронили? Мы так и не узнали. Говорят, что где-то на этапе скончался... Перед самым судом у них с матерью было свидание. И отец сказал, что если будет совсем плохо, чтобы мать обратилась к Петру Федоровичу.

«Плохо» быстро наступило. 47-й год – настоящая голодовка. Люди умирали с голоду. Питались мы непонятно чем. Пока еще была осень, мы с братом ходили в лес и собирали желуди. О хлебе вообще мечтать не приходилось. Ходили по полям, иногда разрывали мышинные гнезда. Находили там у них в кладовых зернышки... Все, что можно было съесть, мы ели. Кору с дуба срывали, но она горькая и невкусная, в отличие от корня солодки.

... И так вот братья начали мне рассказывать. Один заканчивал – второй продолжал. Их жены, Анна и Татьяна, очевидно, уже слышавшие эту историю, сидели, подперев головы кулачками, и слушали. Рассказ продолжался дальше:

– Настала такая пора, когда мы с братом уже не могли двигаться, мы уже лежали от голода. Мама, уж не знаю каким образом, еще передвигалась. Но мы то спали, то дремали. Это время мы смутно помним с братом. Помним, что вдруг в нашем доме раздался запах, аромат которого мы до сих пор не забыли. Аромат свежее испеченного хлеба. Мы тогда открыли глаза, а понять ничего не можем. Нам в рот мама сует какие-то сладкие, нежные кусочки – такого мы давно уже не ели. Слышим грубый мужской голос: «Ты не очень-то им давай, а то помрут, вот потихонечку, понемножечку».

Один брат замолкал, начинал второй:

– Случилось так, что мать все-таки дошла до места, где жил Петр Федорович. Он на спиртзаводе работал. На территорию ее, естественно, не пустили, но она упростила охранника передать Петру Федоровичу, что ждет жена его партизанского товарища Ивана. Не знаю, сколько она так просидела под забором в полудреме, полузамерзшая. Вдруг подходит к ней мужчина, нежно за плечо берет и спрашивает: «Ты ли жена Ивана?» «Я», – ответила она. Он посмотрел на нее, приподнял, провел в кабинет, напоил сладким чаем с сахаром. Рассказала она, что дети ее помирают, и что не знает, застанет ли их по возвращении живыми... Уже два дня ничего не ели. Сколько еще протянут? Может быть, завтра, а может быть, послезавтра придется хоронить. «Подожди маленько здесь, вот тебе чай, допивай», – поставил сахар, подал кусок хлеба. Мама рассказывала, что хлеб она, не выдержав, съела, а вот сахар спрятала... Через какое-то время пришел Петр Федорович. «Сама знаешь, какое сейчас положение. Особо помочь не могу, но вот документ о том, что тебе выписаны азатки. Я тебе дам бричку с конюхом, он отвезет тебя. Смотри, документ не потеряй, потому что очень опасно без документа этого иметь продукты. Это вот твоим детишкам гостинец от меня», – и передал узелок. Она не стала смотреть, что там было. У ворот стояла линейка в две лошади. Конюх без одной ноги что-то укладывал на передок. «Петр, это жена Ивана, отвезешь на хутор и поможешь, если нужно будет», – сказал Петр Федорович. «Хорошо, командир, все будет как надо...» Так они приехали на хутор. Петр растопил печку, приготовил чай, а в мешочке оказались сахар и две полбулки – одна черного хлеба, другая – белого. И вот мама в чае теплом с сахаром размачивала хлеб и давала нам. Это нам казалось настоящим блаженством...

– Это сегодня, что там, – перебил второй брат, – дети, внуки... для них печенье – не печенье, пирожное – не пирожное, и торты они просто так едят. А в то время простой кусочек черного хлеба, размоченный в теплой сладенькой водичке, казался нам вкуснее, чем сейчас для них торты, пирожные и печенье вместе взятые.

...Петр Федорович сказал, что нам причитаются азатки, но оказалось, что не совсем азатки, а полмешочка кукурузы и полмешка ячменя – это было по тем временам неопишное богатство. Оно было мамой спрятано. Сама в ступке толкла кукурузу и ячмень, варила что-то вроде каши и кормила нас. Мы быстро окрепли, уже начали ходить, бегать...

А тут уже появилась и травка, стало теплеть, мы стали выползать и собирать крапиву. Мама говорила, что она полезна, но нам больше нравилась лебеда. Она и не жгучая, и съедобная. А в лесу уже начали появляться чеснок, дикий лук и трава. Все что можно было – собирали. И к тем запасам, что у нас появились – это была как приправа. Мы начали крепнуть...

Наступило лето. Чего греха таить, воровством занимались. Подворовывали мы с колхозных полей, что можно было. Когда свеклу, когда подсолнухи, когда кукурузу. Биты были часто объездчиками. Маленькие были, не убежишь от объездчика на лошади. Бывало, догонит, да плетью так даст по спине, да еще обзовет нехорошими словами. Ведь мы были детьми врага народа. Но мы ученые были, мы ничего дома не прятали. Если удавалось что-то уворовать, мы делали схроны в лесу на Кубани, под кручей. Боялись, что опять будет обыск, найдут, да еще и маму посадят. Осенью в школу в этот год нас не приняли. Объяснили, что мы дети врага народа, и нечего нам в школе делать. Следующий год прошел более-менее. Дважды приезжал тот же самый хромым казак Петр, привозил подарки. В такие моменты мы были невероятно счастливы. Мы могли в этот день наесться вдоволь. Мама готовила нам кашу и давала по куску хлеба. Она работала в колхозе, выполняла самую тяжелую работу. Работала по двенадцать часов в день, а то и по четырнадцать. Мы видели, как она надрывается, а в колхозе ничего не получали. Вот так мы прожили год, но этот год был не такой страшный, как тот. Уже можно было хоть чем-то кормиться.

На следующий год нас все-таки пустили в школу. Как детям врага народа нам отвели последнюю парту, там мы и сидели. Нас даже и не спрашивали. Мама нам говорила: «Учитесь, учитесь». Мы учились усердно, выполняли все задания, правда, не на чем было писать. На хуторе была библиотека, заведовала там хорошая женщина. Говорили, что ее мужа тоже посадили как врага народа. Она нам всегда давала книги. Мы просиживали в библиотеке подолгу, потому что там тепло было. У нас нечем было топить. За хворост, который мы набирали в лесу, мы часто бывали биты... Не успеет убежать, как придет какой-нибудь лесник, отберет хворост, да еще и плеткой по спине стеганет. У нас и сейчас еще спины чешутся от плетей... А что ребенку? Такой плетью шаркнет, и валились с ног. Но ничего, это было пережито. Стали мы учиться, учиться хорошо.

Потом однажды, как мама рассказывала, приехал ваш отец – Петр Федорович. С матерью они долго говорили. После разговора мать пошла в огород, что-то там долго копала. Принесла какую-то тряпку, в которую что-то было завернуто. Мы увидели, что это были ордена. Ордена нашего отца. Когда отца забирали, требовали, чтобы он отдал все боевые награды, но мама сумела их спрятать. Петр Федорович посмотрел на них и сказал, чтобы ордена мать спрятала, а удостоверение и еще какие-то бумаги взял с собой. Еще расспросил о житье-бытье, к нам обратился с добрыми глазами: «Казачки, как дела?» Что мы могли сказать? Конечно, хорошо, мы казачата молодые. После он уехал.

Через месяц узнаем, что нашего бригадира в Краснодаре арестовали. Его там быстро опознали, потому что он полицаем был и издевался над людьми в концлагере. Так прошел еще год. Мы подрастали, опыта набирались. Продолжали где-то подворовывать, потому что два рта, молодых и здоровых, есть-то хотели. Мама ничего не получала в колхозе, ей практически ничего не платили. На трудодни иногда давали что-то. А мы, тем временем, свеклу сахарную воровали, когда она начинала созревать. Выкапывали и прятали в свои схроны в лесу, на Кубани под кручей. Пшеницу подворовывали, как только колосья созревали, или после того как соберут урожай, мы ходили, собирали оставленные колоски. За это тоже получали плетью. Ну что же, плетью есть плетью, а кушать хочется. У соседей никогда ничего не воровали, это нам мама строго-настрога запретила.

С чем было плохо, так это с одеждой. Не на что было покупать. Осенью еще нормально было босиком в школу бегать, но когда наступали холода, мы с братом в школу ходили по очереди. Потому что не во что было обуться и одеться. Мы были детьми врага народа, поэтому к нам так и относились – не очень-то и милостыню подавали. Правда, иногда кое-что нам отдавала библиотекарша. Но что она? Такая же, как и наша мама.

Однажды в середине дня, когда мы с братом были в школе, подъехали три легковые машины: «Победа», «Москвич» и джип. Вышли из этих машин военные и два гражданских. Потом мы узнали среди них и твоего отца, Петра Федоровича. Смотрим, и мама наша тут же из машины выходит. Это мы в окно увидели. Мы с братом, признаться, испугались, собрались в окно прыгать, потому что решили, что маму арестовали, и теперь приехали, чтобы нас арестовать. Мы же дети врага народа.

– Давай сейчас сиганем в окно, – сразу сказал я брату.

– Да подожди, что будет.

Спустя пять минут в класс зашел директор школы, ласково позвал нас по имени и попросил пройти с ним. Испугавшись не на шутку, мы пришли к нему в кабинет, где сидели те самые военные, два гражданских и мама.

– Здравствуйте, казаки, – сказал нам Петр Федорович с улыбкой.

Мы все не понимали, в чем дело.

– Вот что я думаю: давайте сейчас соберем всех детей и при них объявим, – сказал один из военных, очевидно, самый старший, потому что звезды на его погонах были очень большие.

Мы прижались к матери. Думали, что нас сейчас будут судить на этом собрании.

– Да-да-да, сейчас. Все так и сделаем. Как вы говорите, так и сделаем, – засуетился директор.

Зазвенел звонок, дети выбежали на перемену. В это время объявили школьное собрание, и все вышли на площадку. Мы не поймем, в чем дело, жмемся к маме, один за одну руку, другой за вторую. Думаем, сейчас нас... Военный начал говорить первым:

– Мы собрались здесь по случаю, что в нашем колхозе, в нашем хуторе, был герой, – и называет имя нашего отца. Мы ушам своим не верим, а он продолжает:

– Это истинный герой был, он первый перешел на ту сторону Днепра. И он заслужил по приказу товарища Сталина Геройской Звезды. И она была ему присвоена. Но ввиду того, что получил тяжелейшие ранения, ему...

...Второй брат перебил и первого и продолжил.

– Нам, конечно, трудно описать, поскольку мы не встречали ни одного участника, свидетеля, а точнее того, кто с отцом воевал. Но отца представили тогда к званию Героя Советского Союза. Поскольку ранение было тяжелейшее, а документы где-то затерялись, он считался погибшим. И наградной лист где-то затерялся. И вот, благодаря тому, что твой отец стал разыскивать его документы, появилась возможность пересмотреть дело. Когда дело дошло до пересмотра и выяснилось, что он был осужден по клевете того самого бригадира, того самого полицая, было подтверждено, что отец наш – действительно Герой Советского Союза. Были присланы в военкомат документы и Звезда Героя. И вот они все приехали ради того, чтобы вручить эту Звезду Героя нашей маме и, соответственно, нам. Благодаря Петру Федоровичу, это было сделано в школе, при всех, чтобы снять с нас клеймо детей врага народа. Конечно, все на нас смотрели с удивлением. Стояли два оборванца, самых настоящих. На дворе был октябрь, а мы все еще ходили босиком. Мы хоть и рваные ходили, как говорится, заплатка на заплатке, но все-таки всегда были чистые. За этим мама следила. Конечно, и военные на нас смотрели с удивлением, какие мы оборванцы. Но когда посмотрели в журнал, у нас были одни пятерки.

...После собрания нас отпустили домой. Привезли нас на «Победе» военные. Зашли дом посмотреть. Осмотрели снаружи и внутри, подписали какие-то бумажки, а затем уехали.

Через день к нашему дому подъехали два грузовика. Солдаты как по команде вытащили строительные материалы и начали ремонтировать дом. Мы смотрели на все это и думали, что это нам снится. Наш дом был покрыт соломой. Солома давно уже сгнила, поэтому, когда шел дождь, нам приходилось подставлять тазики в места, где капало. Солдаты сбросили всю эту солому и покрыли дом черепицей – дорогушчим в то время материалом. Хотя у многих была уже черепица, но для нас она казалось диковинкой. Наш дом покрыли черепицей, сделали отливы, отремонтировали печку, побелили стены внутри и снаружи. Починили крыльцо, которое мы в тяжелые годы просто-напросто стопили, поставили штaketный забор. Но это было еще не все. Самое удивительное случилось тогда, когда на легковой машине подъехала какая-то женщина. У нее в руках были большие пакеты, в которых оказались туфли, ботинки, сапоги, брюки, рубашки, куртки, шапки и фуражки. Мы боялись прикоснуться к этому, но она сказала, что это все для нас, что это все наше. Радости нашей не было предела. На следующий день мы пошли в школу в обновках. На нас смотрели, не сводя удивленных глаз, абсолютно все. Из оборванцев мы превратились в ухоженных, хорошо одетых детей. Нас посадили на вторую парту, и началась нормальная жизнь...

Второй брат вступил в разговор:

– Мы закончили семь классов, теперь проблем с учебой не было. Мы учились хорошо. Если один из нас чего-то недопонял, то второй обязательно объяснял. К этому времени здо-

ровье у нашей мамы начало пошаливать. После семи классов у нас тогда были ФЗУ при МТС, и мы пошли учиться на трактористов. Закончили ФЗУ, потом армия. После армии решили учиться в институте на заочном. Поступили безо всяких проблем. Когда в ФЗУ учились, мы ходили в вечернюю школу. Окончили школу с отличием. Поступили на разные факультеты. Я поступил на агронома учиться, Виктор – на зоотехника. Работы мы выполняли вместе, что для одного то и для второго. А когда пошли специальные предметы, также их учили вместе. На сессии выезжали, там вообще один день один ходил на один факультет, второй день – на другой. Если что-то недопонимал, тогда брат рассказывал или задавал вопросы преподавателю. Сложнее было, конечно, с практикой. Нужно было практиковаться и агроному, и зоотехнику. Но и с этим мы справились. Защитили дипломы и вернулись в свой колхоз.

Если тебе интересно, твоего отца мы считаем своим вторым отцом. Он нас вытащил с того света. Не будь его тогда, не дай он маме нашей эти два куска хлеба, протяни мама еще день-два, не сидели бы мы сейчас здесь с тобой, не встречали бы тебя здесь на нашей кубанской земле. И потом, твой отец, как говорится, отстоял честь нашего отца. Теперь вот мы из детей врага народа превратились в детей Героя Советского Союза. Но нам так и не удалось найти могилу нашего отца. Хотелось бы найти, поклониться ему, но что поделаешь, это были те времена. Твоего отца мы почитаем как за своего отца, он нас спас, с того света вытащил...

Они замолчали. Я молчал. Их жены сидели притихшие. Солнце почти зашло, было тихо. Кубань журчала. И мне ничего не хотелось говорить. Я сидел и тоже вспоминал своего отца, его доброту, его исключительную четность. И еще хочу сказать о его преданности партии. Он член Коммунистической партии был с 1916 года. И оставался до самой смерти убежденным коммунистом. Верил он, что можно было построить коммунизм. А сегодня что у нас «строится»? То ли капитализм, то ли беспредел, а может быть, что-то другое. А может быть, наши дети, а может быть, наши внуки все это пересмотрят и сделают все-таки жизнь лучше? Как сказал, не знаю, то ли Виктор, то ли Владимир, что «течет в хорошую сторону». Как и Кубань течет по всей равнине и впадает в море. А море – оно и есть море. Большое и красивое, как впереди большая и красивая жизнь у наших детей и у наших внуков. Будет в России красивая жизнь, будет в России возрождение! И мы в этом сейчас участвуем, вкладываем в это свой труд. И вот, глядя на этих 2В, мне кажется, что это и есть те люди, которые возродят Россию, на которых будет Россия опираться. Я вижу, как им сложно и трудно здесь. Вижу, как вымирает наша деревня, как люди спиваются. Эти люди не спились, они добились многого в жизни. И сейчас они трудятся и дают возможность трудиться соседям. Говорят, что они пользуются очень большим уважением среди своих соседей. И не очень пользуются уважением среди лодырей и алкашей, которые устраивают поджоги и травят скот. Но я думаю, что это все-таки временная озлобленность людей. Все-таки поймут люди, что только труд может сделать человека богатым во всех отношениях. Не только материально, но и духовно. Я буду приезжать сюда и буду считать двух «В» своими братьями. На самом деле – они мне как братья.

Шурка

Мы сидели с братом в тенистом саду, перебирали снасти после вчерашней рыбалки: надо было кое-где заменить поводочки, крючочки подточить. Было замечательное прохладное утро. Мы не спеша обменивались мнениями о вчерашней рыбалке, но вдруг прибегает Олин внук шести лет и говорит:

– Дед! Там подъехала какая-то тетя на мерсе и тебя спрашивает!

– Красивая? – спросил я.

Мальчик поднял вверх большой палец правой руки.

– Во! Картинка!

«Пойду посмотрю», – подумал я и вышел за калитку.

Действительно, стоит мерс серебристого цвета, цешечка С200 или «глазастик», как его еще называют. А у открытой дверки стоит (должен отметить прекрасный вкус внука) именно картинка – волнистые пушистые волосы каштанового цвета спадают на плечи (она стояла вполоборота ко мне), абсолютно прямая спина, длинные красивые ноги, высокая грудь. Одной рукой она держалась за дверь машины, демонстрируя безукоризненный маникюр на длинных и ровных пальчиках. Незнакомка, делая вид, что не видит меня, о чем-то переговаривалась с молодым человеком, сидевшим в машине. Я стукнул калиткой, чтобы привлечь ее внимание, и мне это удалось. Она обернулась. «С ума сойти!» – мелькнуло у меня. Надо же, какая красота: каштановые волосы обрамляли прекрасное лицо. А чистая, без единой морщинки, кожа окончательно покорит любого. А глаза! Я впервые видел у женщины такие зеленые глаза, почти бирюзовые. И все это на фоне серебристого «Мерседеса». Она посмотрела в мою сторону, кому-то улыбнулась, может, даже мне, и произнесла:

– Мне сказали, что я могу найти здесь родственника Евгении Ивановны и Петра Федоровича.

Продолжая любоваться молодой женщиной, я решил с ней немного побалагурить:

– Это зависит от причины, по которой он вам понадобился.

Она не поняла моей шутки и продолжила:

– Мне сказали на Московской улице, что здесь могут проживать родственники, и я могу их найти.

– А вы в каком виде хотите их найти – упакованном, разобранным или по частям?

Тут уже знакомка догадалась, что я дурачусь:

– Лучше в упакованном.

– Будь по-вашему, проходите, – сказал я и распахнул калитку.

– Женя, мы, кажется, нашли! Выходи! – обратилась она к молодому человеку в машине.

Оттуда вышел юноша лет восемнадцати, захлопнул дверь, включил сигнализацию. Я удивился, что «глазастик» не пикнул, не крякнул, как обычно, а просто моргнул фарами. Я пропустил их вперед, закрыл калитку и пошел за ними. По дороге я снова залюбовался молодой женщиной: какая она все-таки красивая, высокая, стройная... В ней не было ничего лишнего, как и должно быть у идеальной женщины ее возраста: она была красива, солидна и уверена в себе. Одежда на ней была из бутиков, в ушах сверкали бриллианты немалых размеров, на руках блестели два кольца. Обручальное кольцо было одето на левую руку, и я решил, что она вдова.

Но тут я вспомнил историю одного приятеля (он был совладельцем одного деревообрабатывающего комбината), как однажды к ним на завод приехала молодая, красивая женщина на шикарной машине. Все, конечно, решили, что это приехала фотомодель, чтобы сделать фотосессию на фоне их продукции. Особенно эта версия пришлась по душе финансовому директору. А женщина приехала с целью приобрести кое-какие материалы на комбинате, но

поскольку в них не разбиралась, попросила проконсультировать ее по продукции. Все старались продемонстрировать свои знания в деревообработке, а особенно финансовый директор старался. Женщина рассказала, что ей нужны брус, половые доски, вагонка и еще какие-то доски. Когда стали уточнять количество необходимого материала, женщина достала органайзер и прочитала цифры, от которых у финансового директора начался тик, такие они были огромные. На тот момент с заказами у комбината было не густо, поэтому финансовый директор пообещал, что проблем никаких не будет, они все организуют. Женщина мило улыбнулась всем, опять сказала, что ничего не понимает в деревообработке, все снова стали ей объяснять про ГОСТы, ОСТы и другие нормативные документы. Она вскользь интересовалась, достаточно ли оборудования у комбината и будет ли продукция высокого качества, если она сделает заказ. Ее заверили, что все будет в порядке и по качеству, и по срокам. Между делом красавица попросила показать ей какие-нибудь документы, и коммерческий директор с радостью согласился. Заказали в кабинет кофе, разложили документы, стали просматривать. Неожиданно женщина спросила, можно ли ей взять некоторые бумаги с собой, чтобы вечером дома в спокойной обстановке их изучить, а утром она обещала вернуть их обратно. И опять никаких проблем: сделали копии, упаковали и отдали.

Утром женщина приехала как обещала. И опять она выглядела бесподобно, была свежа, весела, со всеми приветлива. Привезла с собой торт. Все снова сели пить кофе, и каждый так старался произвести на женщину выгодное впечатление, что это уже напоминало сборище павлинов с распущенными хвостами. Красавица начала говорить, что она все документы внимательно прочитала, ее все устраивает, и она готова оформить заказ. Уже составлен договор, который подписан с ее стороны, и если никаких препятствий у руководства комбината нет, то они подписывают договор со своей стороны, и ее бухгалтер переводит на счет комбината аванс в размере 50 % стоимости заказа, оставшуюся сумму выплатят при получении заказа. Конечно, коммерческий директор согласился. Тогда женщина предложила прочесть договор, пока она пьет кофе. От радости коммерческий директор бегло прочел документы и обратил внимание только на завышенные штрафные санкции. Мило улыбаясь, женщина вспомнила о заверениях самого директора, что у комбината не бывает просрочек с выполнением заказа, поэтому не стоит беспокоиться по поводу этой формальности. Находясь под обаянием ослепительной женщины, радуясь предстоящему крупному заказу, коммерческий директор незамедлительно подписал договор, и женщина уехала.

Когда наступили сроки получения первой партии заказа, молодая женщина появилась на комбинате. Ей оказали радушный прием и стали извиняться за просрочку, ссылаясь на непредвиденные обстоятельства: почему-то неделю было отключено электричество, поставщики подвели с поставками материала. «Но задержка незначительная, всего на неделю, поэтому комбинат постарается через семь дней выполнить свои обязательства», – снова уверял клиентку коммерческий директор. Она согласилась, что всякое случается, и пообещала подъехать через неделю. Женщина приехала, как обещала, но не с пустыми руками. Она привезла счет с указанными в нем штрафными санкциями. Друг говорил, что не мог смотреть на коммерческого директора без сочувствия, у него отвисла челюсть, в одно мгновение он наполовину облысел и постарел на несколько лет. Он тоже взглянул на предъявленный счет – сумма санкций составляла половину аванса. На какое-то время коммерческий директор потерял дар речи, потом стал возмущаться, но женщина, по-прежнему мило улыбаясь, подала договор: «Вы же подписали». Директор, осознав, что он наделал, схватился за голову. С этой минуты уже никто не восхищался прекрасным обликом клиентки, все смотрели на нее как на хищника – с тревогой и опаской. И не зря. «Могу ли я сегодня забрать свой заказ?» – спросила женщина.

Пошли в цех показывать готовую продукцию. И там вновь всех ожидал сюрприз. Оказалось, что эта куколка прекрасно разбирается во всех ГОСТах, ОСТах и прочих стандартах,

что она понимает и во влажности древесины, и в ее сучковатости, обрезке, в допусках по толщине и ширине. Все только руками разводили. В итоге она забрала две трети заказа, который хотели ей всучить, понадеявшись на ее безграмотность в вопросах обработки древесины.

Больше никто не замечал красоты женщины, все подсчитывали, во что обойдется срыв выполнения заказа. Получалось, что предприятие отработает впустую. Клиентка стала уточнять окончательный срок исполнения заказа. После небольших переговоров назначили новый срок. «А параграф о штрафных санкциях будет действовать и дальше», – улыбнулась женщина. В общем, получилось так, что комбинат тот заказ выполнил, но денег не заработал. Я это к тому вспомнил, что внешность бывает очень обманчива.

Я пока не понял, зачем приехала эта женщина, почему она ищет родственников здесь, по какой причине? Мы прошли вглубь сада, остановились, и к нам подбежал внук.

– Тебя как зовут? – спросил мальчик.

– Меня зовут Марина, – ответила женщина.

– Ого, у меня уже есть Марина, теперь будет две тети Марины. А меня зовут Женя, – весело сказал внук. – А тебя как звать? – обратился он к молодому человеку.

– Женя, – откликнулся юноша.

– Здорово, будешь тезкой! – радовался мальчик.

Так за разговором мы приблизились к брату, и я представил ему молодую женщину. Брат не мог не оценить красоту незнакомки и вежливо кивнул головой.

– Вот, это Юрий Петрович, пожалуйста, спрашивайте, что хотели узнать, – обратился я к женщине.

– Фамилия Шапкин Александр Владимирович вам ни о чем не говорит? – спросила она у нас обоих.

– Нет, не знаю никакого Шапкина, – ответил я.

Брат внимательно посмотрел на женщину, на молодого человека и тоже спросил:

– А что вы хотите узнать о нем?

– Это мой отец. Он попросил меня сюда приехать, поклониться Евгении Ивановне и Петру Федоровичу, а также повидать их детей: Тамару, Юрия и Леонида.

– Тамару вы не увидите, ее уже нет в живых, а мы с братом перед вами. Присаживайтесь, рассказывайте.

Все сели, Марина продолжила:

– Но вы не помните, кто такой Александр Владимирович Шапкин?

– Если это Шурка, как мы его звали, то, конечно, помним. Он жил у нас.

И Марина стала рассказывать.

– Отец попал в плен здесь, под Армавиром. Вот у меня записано название – станция Прочноокопская. Немцы согнали их на площадку, огороженную колючей проволокой. Отец был ранен в ногу. Стояла жара, люди спасались под тенью нескольких деревьев, растущих на площадке. Туда приходили женщины, называли имена людей, и тех отпускали. Тогда еще немцы отпускали тех, за кого просили их родные. Одна женщина пришла и стала спрашивать Петра Федоровича, но к ней подошел мужчина и, обратившись по имени, сообщил, что ее муж ушел с отрядом, что все в порядке. Затем полюбопытствовал, кто ей сказал, что ее муж здесь. «А Николай?» – поинтересовалась женщина. «Кажется, погиб», – ответил он ей. А мой папа услышал этот разговор. Кое-как с раненой ногой добрался до колючей проволоки и попросил эту женщину, чтобы она назвала его своим сыном и забрала с собой. И она помогла ему! Немцы через переводчика сверили показания женщины и моего отца, все совпало, так как они обо всем заранее договорились, и папу отпустили. Из-за ранения в ногу отец не мог идти, и вот эта женщина, Евгения Ивановна, более двадцати километров тащила его на себе. Добрались они в поселок на улицу Ворошилова.

– Ее давно переименовали в Московскую.

– Да-да, мы туда заезжали, там сказали, что на Герцена можно вас найти. В той квартире помимо Евгении Ивановны жили две ее сестры, трое ее маленьких детей и бабушка. Рана у отца начала гноиться, дело шло к гангрене. Но Евгения Ивановна рану промыла, обработала, а бабушка делала какие-то отвары, что-то шептала, колдовала, и выходили отца. Папа остался у них жить, пока была оккупация. Когда немцы ушли и пришли наши, отец отправился воевать дальше. Война закончилась, родители и родственники отца погибли, и он вернулся сюда, в поселок, жил здесь какое-то время. Много лет спустя папа признался, что вернулся из-за любви к одной из сестер Евгении Ивановны. Звали ее Маня.

Мы с братом переглянулись.

– Да, тетка Маня. Ох, и красавица была, с большим чувством юмора!

– Он ее очень любил, а она его нет. Отец ушел на фронт, а здесь осталась какая-то воинская часть. И Маня влюбилась в одного из офицеров той части. И такая у них была любовь, что когда вернулся мой отец, он уже не мог добиться от Мани взаимности. Она ему говорила: «Я люблю тебя, Шурка, как брата, но пойми, Павел – это моя жизнь, я не могу без него и хочу выйти за него замуж. Шурка, Шурочка, ты мой братик». Вот такая безответная любовь была у отца. Когда Павел демобилизовался, они с Маней поженились и уехали в Челябинск. Отец еще какое-то время пожил в поселке, а потом уехал в Ульяновск, устроился на авиационный завод. Через какое-то время там произошла то ли авария, то ли диверсия, словом, стали всех проверять. Откопали в отцовской биографии, что он скрыл плен: был на оккупированной территории в плену или дезертировал? Начались допросы. Затем послали к вам запрос. Здесь уже расспрашивали Евгению Ивановну. А Евгения Ивановна и Маня, как рассказывал отец, не ограничились показаниями на месте, а поехали в Ульяновск и засвидетельствовали свои показания о том, что забрали папу из лагеря военнопленных, выдав за своего сына. Лечили его, а когда пришли наши войска, отец отправился с ними воевать. Все это было подтверждено. Также выяснили, что в плену отец находился два дня, поэтому его оставили в покое. «Вот так эти люди дважды спасли мне жизнь, – говорил отец. – В первый раз от плена, во второй – от советских лагерей». Вот он и попросил меня, когда я поеду на Кубань, найти и поклониться могилам Евгении Ивановны и Петра Федоровича, повидать их детей, если получится. И вот мы с сыном – он как раз окончил школу, сдал экзамены почти на «отлично» – заехали в Москву, отдали документы в МГУ и решили приехать сюда. Вы уж не обессудьте, что отвлекаем вас от дел, просто хотели познакомиться. Вот такой получился визит к вам...

Мы сидели и молчали. Я посмотрел на брата, брат посмотрел на меня:

– Помнишь Шурку?

– Да, помню, – ответил я.

Шурка был старше нас, грудь вся в орденах, за теткой ухаживал – «бегал», как мы это называли. А она, видите ли, влюбилась в Павла, хотя нам казалось, что Шурка был лучше, он был своим. Ну, влюбилась так влюбилась. А Шурка и в самом деле был нам как брат. Мы были маленькими и толком не знали, как он появился в нашей семье. Когда немцы ушли, вернулся отец, работал на спиртзаводе, и Шурка там работал после войны. И мы считали его своим: Шурка и Шурка.

Марина слушала нас с интересом. Оля засуетилась:

– Даже чай не поставила, так увлеклась вашими рассказами.

Затем Оля позвала Марину, чтобы показать комнату для ночлега, и, взяв ее под руку, увела в дом. Мальчишки, большой и маленький Жени, стали ковыряться в крючках и блеснах у брата. Один я сидел с глупым видом и переваривал услышанное: брат сказал «наш Шурка». Наш и наш, бабушка тоже была наша. Но когда она умерла, я был удивлен, узнав, что она носила другую фамилию: не Гришина, а Михейкина. Но она все равно была наша, точно так

же и Шурка – он был наш Шурка, и я не знал, что фамилия у него не наша, а Шапкин. Но это наш Шурка, наша бабушка, хоть фамилии и были разные.

В это время из дома вышли Оля с Мариной. Взглянув на них, я снова порадовался, какие красивые женщины у нас: Оля – блондинка с голубыми глазами, а Марина – зеленоглазая шатенка. Просто глаз не отвести от такой красоты. Марина увидела, что ее сын и мой брат удалились вглубь сада, и строгим голосом, почти приказным, сказала мне, чтобы я помог принести вещи из машины. Хотя она и обратилась ко мне по имени-отчеству, мне не понравилось, что мною начинают командовать. Я не подал виду, пошел к машине. Женщина щелкнула сигнализацией, открыла багажник и стала указывать, как и куда ставить вещи: этот чемодан – в мою комнату, эту коробку отнесите Оле на кухню, и корзину с продуктами туда же. Я опять решил немножко подурачиться: «Есть! Слушаюсь, товарищ командир!» Она подняла на меня свои кошачьи зеленые глаза, пристально взглянула и ухмыльнулась. Улыбкой это нельзя было назвать. Я достал вещи из багажника и отнес к порогу дома. Затем корзину и коробку отдал Оле на кухне. Вернувшись на крыльцо, я столкнулся с Мариной. Она стояла около чемодана с сумкой. Я молча взял вещи и понес в комнату.

– Ну-с, какие еще будут указания? – спросил я.

– Ванная комната я знаю где, можете быть свободны.

– Слушаюсь!

И мы разошлись. Мальчишки с братом по-прежнему возились в огороде, а я пошел на кухню к Оле. Сестра попросила меня разобрать коробку. Открыв коробку и заглянув вовнутрь, я вдруг вспомнил, что когда Шурка уехал, он потом часто присылал письма, а иногда и посылки к праздникам. И в них всегда была вяленая рыба: вяленая уклеечка лежала в трехлитровых банках, которые были завязаны тряпочками, леши и чехонь аккуратно завернуты в кальку. И сейчас точно так же. Уклеечка лежала в трехлитровой банке, но с полиэтиленовой крышкой, тогда таких еще не было, леши тоже были упакованы в целлофан. В коробке лежал еще и балык сома холодного копчения. Оля попросила развесить балык, а то он в полиэтилене немного отсырел. Я опять был недоволен, что мною командуют, но все сделал. А Оля с новой просьбой: «Порежь колбасу, сыр, попьем чайку и займемся другими делами». Делать нечего, взял разделочную доску, продукты и пошел на улицу. В этот момент из дома вышла Марина. Я опять невольно залюбовался ею, рассматривал, как картинку. Она уже приняла душ, была свежа, красива. Одежду Марина сменила: теперь на ней были белая футболка, бриджи цвета какао, на ногах босоножки.

– Что, работаете? – взглянула она на меня, – работайте, работайте.

Я хмыкнул, но промолчал. Марина ушла к Оле. Слышу, что у них завязался разговор на женские темы, и продолжаю резать колбасу с ветчиной. Разложил нарезку на тарелочке, подошли Оля с Мариной, принесли нарезанные овощи и наше фирменное блюдо – нутрию. Нутрия была приготовлена с утра, причем в двух видах: тушенная в латке и зажаренная на противне. Оля позвала брата с ребятами:

– Быстро мойте лапы и за стол!

Когда все расселись, Оля поставила вино и предложила водку, коньяк. От крепкого все отказались, разлили вино. Марина хотела что-то сказать в качестве первого тоста, но брат поднялся, показывая всем видом, что он здесь старший, и «командовать парадом» будет он. И спокойным голосом стал говорить:

– Сегодня приехали гости, которым мы очень рады, так как они помнят наших родителей. Предлагаю выпить за наших родителей, за Олиных, за Мариных и за тех, кого нет с нами, кого мы помним и любим. Пусть им будет светлая память и земля пухом.

Все встали, выпили, немного постояли и сели. Приступили к еде. Оля стала объяснять гостям, как она делает блюда из нутрии. Увидев, что все налегают в основном на горячее, Марина тоже решила попробовать необычное блюдо. Брат разлил по второй. Марина опять

попыталась что-то сказать, но брат кивнул на меня, предоставляя, таким образом, мне слово. Я встал и произнес ни к чему не обязывающий тост о памяти, о наших традициях.

Оля предложила напитки. Мы предпочли холодный компот. Брат предложил съездить на могилки к родителям, пока не настала жара. Все идею поддержали.

– Поезжайте, а я пока приготовлю обед, – предложила Оля. – А поскольку из взрослых не пил только Женя, то ему и за руль садиться. Марина сказала:

– Я сейчас, – ушла в дом, а когда вышла, была уже в другой одежде. На ней был строгий, облегающий спортивный костюм, шею украшала легкая косынка.

Сначала заехали на базар, Марина накупила целую охапку цветов, потому как мы сказали, что отец, сестра, дед, бабушка покоятся на старом кладбище, а мама, Олины родители, жена брата и шурин – на новом. Тронулись в путь. Приехали на новое кладбище, пришли к могиле, постояли, помолчали, затем поехали на старое кладбище, там тоже возложили цветы на могилки наших родственников, помолчали. Я незаметно наблюдал за Мариной. Она часто прикладывала к своим зеленым глазам платочек, и выглядело это совершенно естественно. Вернувшись, домой, Марина сразу ушла в дом. Мы с братом сели в тени, к нам подошла Оля:

– Будете сейчас обедать, или подождем?

Решили обедать сейчас, Оля стала накрывать на стол. Вновь сменив наряд, пришла Марина. «Интересно, для чего нужно столько раз переодеваться? – подумал я. – Перед кем она так старается, неужели перед братом и мной?» Но вслух ничего не сказал.

После обеда брат засобирался домой. Женя, Маринин сын, стал интересоваться, где Юрий Петрович живет.

– Да недалеко, в двадцати километрах отсюда, – ответил брат.

Тогда Женя сказал матери, что отвезет Юрия Петровича домой. Та не возражала, и они уехали. Марина ушла в дом, видимо, хотела отдохнуть с дороги. Я с Олиным внуком остался убирать со стола, но Оля выпроводила нас с кухни, и мы пошли гулять по саду. Во время прогулки играли, дурачились, а потом я захотел отдохнуть. Прилег в гамак, накрыл лицо газетой и нечаянно уснул.

Вечерело. Последний луч солнца соскользнул с макушки самого высокого дерева. Сын Марины (или Мани, как мы стали ее называть) позвонил и попросил разрешения остаться у Юрия Петровича на ночь. Маленькому Жене дали немного поиграть на компьютере. Поэтому мы сидели втроем и допивали чай. Неожиданно Марина обратилась ко мне:

– Мне Оля сказала, что здесь недалеко есть развлекательный центр. «Островок» называется, потому как располагается на острове. Там танцы, кафе... И основоположником этого центра когда-то был ты... – Она осеклась. – Вы.

– Ничего-ничего. Можно и на ты. Ведь ты мне кто? Сестра или племянница? Скорее, племянница. Мама выдала Шурку за своего сына, значит, он мне брат, а ты – племянница. Так что можешь спокойно называть меня на ты.

Марина немного смутилась.

– Так ты составишь мне компанию, согласишься со мной на ваш центр?

– С удовольствием.

– Десять минут, и я буду готова.

Я тоже переоделся. Марина, как обещала, появилась через десять минут. И опять она была в шикарном платье, красивая, стройная, подтянутая. Я уж было собрался спросить, видит ли она ночью как кошка, намекая на ее зеленые глаза, но вслух произнес:

– Не бойшься, если мы пойдем короткой дорогой? Она плохо освещена, но асфальтирована. Можем пойти по длинной...

Марина перебила меня:

– Нет, темноты не боюсь, идем коротким путем.

Оля предупредила, что ужин будет в холодильнике, если после прогулки мы захотим перекусить, а она уже будет спать. Мы вышли за калитку. Марина взяла меня под руку, я прижал ее руку к себе, она ответила. Я посмотрел на нее, Марина заглянула мне в глаза, улыбнулась, и мы пошли.

По дороге Марина стала расспрашивать, как и где я живу. Я ответил, что живу один, в Санкт-Петербурге, родился здесь, школу окончил, потом два года работал на радиоузле, устраивал танцы в центре на пруду, куда мы и направляемся. Это была моя инициатива, приятель мне помог, и мы все организовали. Потом уехал в Ленинград, поступил в институт, там и остался. А сейчас рантье. Двое детей у меня, две дочери. У старшей – внук и внучка, уже взрослые, у младшей – внук, еще маленький, учится в школе. Иногда мне разрешают с ним съездить на море. Дети живут отдельно... Не знаю, насколько это было интересно Марине... Затем она стала расспрашивать о работе: какой факультет окончил, по какой специальности, где работал: в цеху ли, в конструкторском отделе? Я почувствовал, что она разбирается в технических вопросах, и поинтересовался:

– А что ты закончила?

– Тоже Политехнический, – был ее ответ.

– Точно Политехнический? – усомнился я.

– Ну, не Политех, а авиационный, это же почти одно и то же, и работала на авиационном заводе, – уточнила Марина.

– Тогда понятно, почему профессиональные вопросы задаешь, – сказал я. – А я гидравлик, занимался гидротурбинами. Монтировал Саратовскую ГЭС, в Ульяновске неоднократно бывал. Так что жили рядышком.

За беседой подошли к пруду. Там уже играл эстрадный оркестр, разноцветными огнями сверкало кафе.

– Да, красиво, и мост на островок, и сам островок. Да, очень красиво, – повторила Марина.

Мы прошли в центр, Марина с интересом разглядывала оркестр: великолепные ударные, и саксы, и труба, и гитары. Музыкантами были молодые ребята. Вокруг танцплощадки стояли столики. Мы выбрали столик на двоих подальше от оркестра, чтобы музыка не заглушала разговор. Тут же подошел молодой человек, он меня узнал, поздоровался. Я обратился к Мане:

– Что будешь заказывать?

– Я бы выпила сухого вина.

– Вина и мороженого?

– Да, пожалуй, и мороженого.

Я повернулся к Николаю (так звали официанта).

– Коля...

– Я понял. Из вин могу предложить «Мускат», очень хороший. Фрукты и мороженое?

– Да, хорошо.

Николай быстро вернулся с двумя хрустальными бокалами и запечатанной бутылкой «Муската». Марина внимательно осмотрела бокалы. Затем официант взял вино, показал Марине, мне. Я удовлетворенно кивнул. Николай очень аккуратно открыл вино, вынул пробку (она была натуральная, корковая), хотел дать понюхать мне, я махнул рукой. Он понял. Обтер горлышко салфеткой, налил две трети бокала Мане, затем мне, поставил бутылку на стол и прикрыл пробкой. Потом сходил за оставшимся заказом. Николай принес две тарелочки фруктов, среди которых были и местные абрикосы – спелые, красивые, очищенные, такие же яблочки нарезанные, и экзотика: бананы и киви. К тарелочкам прилагались десертные вилочки. Официант пожелал приятного вечера и ушел. Мы пригубили вина,

я вопросительно посмотрел на Маню. Вино ей понравилось, мне тоже. Я дальше стал спрашивать Марину про житье-бытье:

– Я вас совсем не знаю. Переписывались родители с твоим папой. Мы с большим удовольствием ели уклею, когда приходили посылки с рыбой. Мы пацанами тоже ловили рыбу, но у нас как-то не принято ее солить. Даже маленькую, типа пескарей, уклею – жарили. Поэтому всегда с радостью ели вашу соленую рыбку, – улыбнулся я.

– Я маму плохо помню, она рано умерла, – сказала Марина, – я еще в первом классе училась. Папа работал на заводе. Помню, что жили они дружно, без скандалов, с уважением друг к другу. Даже когда мама болела, уже не вставала, а я еще маленькая была, отец взял всю домашнюю работу на себя: убирал, стирал, гладил, за мамой ухаживал. Потом, когда ее не стало, папа продолжал работать на заводе. А через год папа сказал: «Я еду в Челябинск, в командировку, поедешь со мной». Мы уехали. В Челябинске поселились в гостинице. Не знаю, что это за командировка была, папа никуда не ходил по работе. Помню, мы часто гуляли, причем по одной и той же улице и в определенное время: утром шли в одну сторону, в нужном месте папа останавливался и смотрел на окна на противоположной стороне, вечером шли в другую сторону улицы, и также папа останавливался в каком-то месте и снова смотрел на окна на противоположной стороне. Так мы гуляли три-четыре дня, в промежутках ходили в магазины и другие места. На четвертый день вечером мы гуляли по противоположной стороне улицы, и я увидела красивую, стройную женщину, шедшую нам навстречу. Вдруг она заметила моего папу, подбежала к нему, бросилась ему на шею: «Шурка, Шурочка! Откуда ты здесь?» Отец смущенно улыбался, а я думаю: что за тетка такая, прыгает, отца пацанячьим именем называет. «Вот, Манечка, это моя дочь, – тут отец запнулся. – Мариной зовут». Женщина посмотрела на меня, обняла: «Ой, какая ты красавица!» А я смотрю на нее и ничего не понимаю. Эта Маня взяла папу за руку: «Пойдем ко мне домой, я тебя со своими девочками познакомлю. Ну, а Павла ты знаешь, он сейчас с работы придет». «Нет, Маня, мы не пойдем, мы спешим». А она все свое: «Как же так, Шура, ты здесь, в Челябинске, да с дочкой, и не зайдешь. Давай я Мариночку со своими дочерьми познакомлю». «Маня, а я свободен», – вдруг произнес отец. Я опять не понимаю, как это он свободен? У женщины улыбка сошла с лица. Отец снова: «Да, Маня, я уже год как свободен». Очень странные глаза были у отца: и ласковые, и добрые, и вроде как просящие, даже умоляющие. А эта женщина отвечает ему: «Шурочка, ты же мне братик, ну пойми!» «Да, понимаю, но может все-таки...» – папа пристально смотрел на нее. «Ну, Шурочка, сколько раз можно об этом говорить, пойми же наконец», – вздохнула женщина. «Да, понимаю, но я буду ждать», – твердо сказал отец. Потом они стали говорить о чем-то мне совершенно непонятном – понимали друг друга даже по обрывкам слов. Я отошла в сторонку. Разговор был недолгим. Вскоре папа позвал меня, взял за руку, и мы пошли. В какой-то момент я оглянулась, эта тетя стояла и смотрела нам вслед. Пройдя еще немножко, я взглянула на папу: у него по щеке катилась слеза. «Папа, тебе соринка в глаз попала?» – забеспокоилась я. «Да, здесь электростанция на твердом топливе работает, наверное, уголек попал», – стал вытирать глаза отец. Тогда я не придавала значения всей этой истории, но когда сама влюбилась безответно, поняла, какие соринки попадают в глаза.

Так мы и жили с папой. Он говорил, что работает конструктором на авиационном заводе. К нам часто приходили мужчины, которые собирались у отца в комнате и что-то шумно обсуждали, спорили. Как-то приехала пожилая женщина, и эта Маня с ней, они у нас целую неделю жили, и потом выяснилось, что они приезжали папу защищать от оговора. Я вам уже рассказывала об этом. А вот еще история. Где-то в девятом или десятом классе учитель повел нас на экскурсию на авиационный завод. Там мы походили по разным цехам и пришли в конструкторский отдел. Я уже подумала, что увижу отца, он ведь все время говорил, что в конструкторском отделе работает. Такой обычный конструкторский отдел, что тебе

рассказывать, сам прекрасно знаешь, сам конструктор. Около большого отцовского стола стояли два кульмана и несколько стульев, но я не придавала этому значения. А наш сопровождающий подошел к папе и тихо, вежливо что-то сказал. Папа взглянул на нашу группу, увидел меня и одобрительно кивнул. Мы все обступили стол. Отец навесил лист ватмана на кульман и стал объяснять ребятам разные технические подробности. Я оглядела одноклассников и была поражена – у них рты пооткрывались. Мне казалось, что папа рассказывает элементарные вещи: почему самолет летит, почему самолет срывается в штопор, почему стаи птиц никогда не сталкиваются друг с другом, почему гуси-утки летают клином, почему цапля при полете складывает шею, а гуси, напротив, вытягивают. Одновременно с рассказом папа фломастером рисовал на кульмане какие-то фигуры, писал формулы обтекания птичьих крыльев, и в какой точке разряжение получается, куда направлена подъемная сила, и как она управляется – всем было интересно. Дома я папе вопросов никаких не задавала, а здесь мальчишки наперебой засыпали отца вопросами. И отец с удовольствием на все ответил.

Время за разговорами пролетело незаметно, нам пора было уходить. На обратном пути я услышала, как наш учитель сказал сопровождающему: «Все-таки огромными знаниями обладает этот Шапкин!» А сопровождающий подтвердил: «Это единственный конструктор, которого ни главный конструктор, ни главный инженер к себе не вызывают». «Почему?» – озадачился учитель. «Они сами к нему приходят! Видели, что около его стола еще стулья стоят и два кульмана? После работы к нему приходит главный инженер или главный конструктор. Уж слишком хорошая голова», – заключил сопровождающий. Я удивилась, услышав подобное мнение о своем отце и о том, как его ценят на работе. Главный конструктор часто приходил к нам домой по вечерам, а иногда и за полночь, и они сидели с папой до утра, решая какие-то вопросы. «Да, но почему же тогда его не повысят до зама главного конструктора или главного инженера, что же его держат простым сотрудником?» – спросил опять учитель. «Да потому что его голова ценна за кульманом, а не в административной работе. Это ошибка нашей системы, когда человека, творящего чудеса за кульманом, делают начальником какого-нибудь отдела и, теряя настоящих конструкторов, получают плохих администраторов. В случае с Шапкиным сохранили отличного конструктора», – сказал сопровождающий. Вот так я узнала, в каком почете на заводе был мой отец.

Я окончила институт и поступила работать в конструкторский отдел. Замуж вышла еще будучи студенткой, по любви. Первая любовь у меня была безответной, а вторая взаимной. Мы любили друг друга, очень уважали. У нас два сына: младшего ты видел, а старший остался на хозяйстве.

– А где сейчас муж?

Марина замолчала, прикусила нижнюю губу и с минуту так сидела. Взяла бокал, пригубила вина.

– Подорвали его.

– Как?!

– Как? Ты же знаешь про бандитизм, когда взрывают джипы.

– Он был бизнесменом?

– Да, хорошим бизнесменом. Бизнес был крупный, а муж умный, рискованный, преуспевающий. Грянул девяносто восьмой год. Помнишь, что тогда было? А до этого муж активно скупал предприятия, перезакладывал их, покупал другие. Сначала в Ульяновске, потом в России, а там уже и в странах СНГ. Его бизнес охватывал и Киргизию, и Украину, и Прибалтику. А когда наступил дефолт, выяснилось, что производств много, да все они в закладе оказались. Муж, конечно, чувствовал, что должно что-то произойти, поэтому часть собственности перевел на меня: хотел, чтобы я тоже занялась бизнесом. А мне больше нравилась моя конструкторская работа. Но семья есть семья, я ушла с завода и стала помогать мужу. У нас были отдельные счета, отдельные фирмы, у каждого независимый капитал. Когда

его подорвали, и на меня наезды были, но все обошлось. Старший сын подрос, стал мне помощником, сейчас младший подрастает. Институт закончит и тоже будет с нами в деле. Что и как будет дальше – не знаю, пока живем в достатке.

- Да уж, это трудно не заметить – достаток.
- Вот, комплимента не дождалась, а замечание – пожалуйте.
- Извини.
- Ладно, давай выпьем.
- Давай.

Мы чокнулись, посмотрели друг другу в глаза. Ее зеленые глаза светились огнями цетомузыки от танцплощадки.

– А ты здесь начинал?

– Да, это было давно. . . . Здесь ничего не было: ни кафе, ни эстрады. Стоял один столб, на который я залезал. Цеплял провода к «чашечкам», подключали усилитель, и под пластинки танцевали. Это была моя инициатива с друзьями, а теперь видишь, как здесь здорово. Молодежь отдыхает, развлекается.

Официант принес шоколадное мороженое. Мы еще немного посидели. Марина предложила:

– Давай пройдемся?

Я согласился. Мы подошли к танцплощадке, посмотрели, как танцует нынешняя молодежь. Здесь меня многие узнавали, здоровались, бросали любопытные взгляды на мою спутницу. Мы пошли на другую сторону пруда, там стояли скамейки под плакучими ивами. Я рассказывал, что после войны не было моста, перебирались на островок вплавь. И вот на этом островке я маленьким поймал свою первую рыбку, своего первого сазанчика. Мы еще немного погуляли, затем отправились домой. Тут Марина снова взяла меня под руку, а я взял ее руку в свою, потом остановился, взял обеими руками ее ладонь, она тоже остановилась. Я глядел в ее кошачьи глаза, как они светились в темноте. Я обнял ее за плечи, она прижалась ко мне. Так мы стояли какое-то время. А потом пошли, шли медленно, стараясь идти в ногу. Опять остановились. Я поцеловал Марину, она ответила. . . Затем положила голову мне на плечо и произнесла:

– Хорошо у вас тут, на Кубани. Лучше, чем у нас на Волге.

– Чем же лучше?

– Не знаю, что-то такое есть на Кубани, чего на Волге нет. Солнце южное.

– Ульяновск не такой уж север, хотя раньше и назывался Симбирск.

– Да, но посмотри, какие у вас звезды. А Млечный Путь такой чистый, такой яркий!

– Яркий, потому что ночи у нас потемнее, чем у вас. А в Питере в это время еще можно книжки читать.

– Я приеду к тебе в Питер?

– Можно прямо отсюда поехать.

– А ты еще долго тут будешь?

– Да пока не знаю. Младшая дочь собирается с внуком на море, и я с ними. Сюда не пускают, так она то ли в Турцию, то ли в Болгарию хочет.

– А можно и мне с вами?

Для меня это было неожиданно.

– Почему бы и нет? Завтра позвоню дочке, чтобы она и на тебя путевку заказала.

– А ты куда хочешь?

– Да мне все равно, хотя Турция нравится больше.

– Почему?

– Все дело во внуке. Ему восемь лет, он ест плохо, а в Турции «все включено». Мы ездили в Болгарию, вроде на полный пансион, а напитки надо было покупать, поэтому питье

приходилось на пляж носить с собой. А в Турции сутками и соки, и вода на пляже и в барах, пей – не хочу.

– Так поехали в Турцию.

– Прямо сейчас. Машина есть, Жене позвоним, чтобы подъехал, и поедем.

Марина засмеялась:

– Поедем.

За беседой незаметно дошли до дома. У калитки остановились, Марина предложила еще погулять, я согласился. Пошли по нашему городку, ходили-бродили, я рассказывал, как мы здесь жили: показал школу, места, где росли и выросли с друзьями, пруд, на котором катались зимой на коньках, а дальше Кубань. Около Кубани были сады: вишня, яблоки, груши, сливы, черешня, было огромное хозяйство. До революции эту землю арендовал барон.

– Какой барон? – удивилась Марина.

– Да рассказывают, у казаков арендовал землю немец, барон. Он построил здесь заводы: спиртовой, кирпичный, винный, галетную фабрику. И поля возделывал грамотно, до сих пор сохранились лесополосы высаженных деревьев. Здесь Армавир рядом, а «Армавир» переводится как долина ветров. По весне здесь сильные ветра бывают, так называемые черные бури, поэтому барон и посадил лесозащитные полосы. Их и сейчас, говорят, видно с самолета, как надпись «барон Штерн». Хотя фамилию могу путать, надо у брата спросить, он все знает. Наверное, обратила внимание на старые здания? Их построили еще до революции, а во время войны имение барона было разгромлено не то немцами, не то нашими. Ресторан был, тоже разбомбили. Пруд, где сейчас танцы, тоже был выкопан во времена барона – резервным водоемом служил для спиртзавода и тепловой станции.

Так мы бродили по ночному городку, иногда останавливались, смотрели друг на друга. Мне почему-то было легко с ней, с этой женщиной. Когда уже возвращались назад, Марина спросила:

– Почему ты ничего не сказал о жене?

– А что сказать? Я уже шестой год как вдовец, умерла она.

– А что случилось?

– Да что, болезнь двадцатого века – рак.

– Неужели ничего нельзя было сделать?

– Уже ничего. Она никогда не болела, я даже не помню каких-то простудных заболеваний, а когда хватились, то уже четвертую стадию поставили. Поджелудочная железа. Когда операцию стали делать, вскрыли, а у нее печень, как выразился хирург, «нафарширована метастазами». Конечно, пытались спасти. У нас же в Петербурге центр специализированный есть, в пригороде Песочное. Поздно уже было... Целый год жена промучилась, но ничего нельзя было сделать. Врачи говорили, если бы на полгода-год раньше обратились, может, и помогли бы, а так бесполезно уже все.

Мы какое-то время шли молча, задумавшись каждый о своем. Марина, вероятно, думала о своем муже, который был так жестоко убит. Вдруг она спросила:

– И у тебя не было подруги за все это время?

– Ты знаешь, нет.

– А почему?

– Как тебе сказать... Все годы, что мы прожили, я был самым настоящим подкаблучником.

Марина с недоверием посмотрела на меня.

– Не может быть.

– Да, самым настоящим подкаблучником. Поэтому боюсь попасть под каблук еще раз.

А ты почему одна?

– Некогда было.

– А чего некогда-то?

– Да муж когда погиб, остались двое детей, хозяйство, и все на моих худеньких плечиках. Пока муж живой был, я как за каменной стеной была, а потом все самой делать пришлось. Да еще эти «наезды» один за другим. А с ними и пожарные, и СЭС, и налоговая, и администрация со своими претензиями. Некогда было личную жизнь устраивать. Сложно пока в нашем государстве бизнесом заниматься, тем более женщинам.

– Я бы не сказал, глядя на вас.

– Это все не то. А впрочем, давай не будем об этом.

– Давай.

Мы проходили мимо школы, которую я закончил.

– Сюда я бегал десять лет.

– А сейчас встречаетесь с одноклассниками?

– Встречаемся. Одно время только с одним одноклассником общался, Петрусь его зовут.

– Имя такое?

– Нет, фамилия у него Петренко, а имя Виктор. Я уж не помню, почему Петрусем прозвали, сам он придумал или еще кто. Петрусь и Петрусь. Когда я в отпуск приезжал, мы встречались. А вот лет пять назад он мне позвонил и сказал, что одноклассники решили собраться. Теперь каждый год собираемся и отмечаем окончание школы. А одна одноклассница сказала даже, что это она в зеркале выглядит пожилой, а в душе ей по-прежнему семнадцать.

Маня рассмеялась.

– Мы все такие, все в душе семнадцатилетние. А посмотришь, как годы бегут...

– Да, я вот как-то слышал барда Дудкина, у него такие слова есть: «Чем дольше живешь, тем годы короче...»

– А ведь и правда. Я просто не замечаю, как последние годы летят. Просто кошмар, не успеешь оглянуться-повернуться – уже зима, только шубу достанешь – уже лето наступило.

– Да... Так и проходят годы...

Мы вернулись, подошли к Олиному дому, свет она уже погасила, видно, легла спать.

Марина предложила посидеть на улице, выпить чайку. Я с удовольствием согласился.

– Или компот? – уточнила Маня.

– Нет-нет, лучше чаю, – сказал я и пошел ставить чайник.

Поинтересовался у Мани, хочет ли она перекусить, но она отказалась.

Я принес вазу с конфетами, печеньем. Марина сидела задумчивая, грустная. Я подошел сзади, обнял ее за плечи, она прижалась ко мне. Мне было очень хорошо с ней. Еще вчера я не знал эту женщину, а сегодня она мне стала такой близкой, понятной. Марина встала, повернулась ко мне, обвила мою шею руками. Я обнял ее за талию, прижал к себе, она поддалась, и мы поцеловались...

Казан

Сегодня брат не смог поехать со мной на рыбалку. Я собрался ехать на Кубань.

– Куда? – уточнил брат.

– Да хочу к парому, – ответил я.

– Так его уж лет двадцать нет, – ухмыльнулся брат. – А места там хорошие. Только возьми «Ниву».

– А что так? – удивился я.

– На своей ты не проедешь, а «Нива» проползет.

Странно, я помнил, что дорога там была хорошая, грейдер, довольно нагруженная, ухоженная... Поеду – увижу.

В самом деле, дорога хорошая, асфальтированная. Правда, асфальт лежал только до Сектора, так мы называем маленький поселочек. А за Сектором в сторону парома шел уже разбитый, и довольно здорово, грейдер. Я вспоминал, как эта дорога шла через лес, обрамленная кюветами. За ними следили, подравнивали, выправляли. Когда разливалась Кубань, вода доходила до самого Сектора, заливая дорогу и кюветы. Паромная переправа не работала. Когда вода спадала, в кюветах оставалась рыба, и мы ее вылавливали руками. В лесу было много ям, которые во время разлива также затапливались. Эти ямы остались как раковины войны, остатки укреплений, сделанные когда-то солдатами, а также воронки от бомб. Они тоже наполнялись водой и рыбой Кубани во время наводнения. В конце августа, в сентябре вода высыхала, но не до конца, и на дне ям в остатках воды была рыба. Мы, пацаны, начинали мутить воду, бегая по дну ямы и поднимая ил. Рыбе, естественно, это не нравилось, кислорода ей не хватало, и она выходила на поверхность воды, тут мы ее руками и ловили. Это было интересное для нас занятие, а вот для рыбы вряд ли.

А сейчас я подъехал к тому месту, где когда-то был паром. Здесь перед Кубанью была площадь, на которой стоял дом паромщика, по тем временам, как мне казалось, довольно приличный дом. Сам паром состоял из двух громадных лодок с настилом и был прикреплен к толстым тяжелым канатам. Все было сделано мощно, добротно. На пароме могли поместиться два грузовика, такие как ЗИЛ-105, полторка, конные телеги. Мы, пацаны, тоже плавали на пароме – иногда чтобы добраться до другого берега и там порыбачить, а иногда чтобы прыгнуть на середине реки и проплыть по течению. Паромщики не разрешали прыгать с парома, поэтому раздетых до трусов (тогда плавок не было, все бегали в трусах и босиком) не пускали. Приходилось идти на обман: садились на паром компанией, в одежде, где-то на середине реки раздевались, отдавая вещи кому-то одному, сигналы в воду иплыли вниз по течению. Дальше была Пионерская поляна, Колхозная коса. Это уже далеко от парома.

Я подъехал, посмотрел. Да, ничего не осталось от той когда-то оживленной переправы, все заросло. На площади сейчас поднялись деревья, а раньше стояли машины и люди в ожидании парома. Народ общался, делился новостями, историями. Вдоль Кубани шла довольно-таки приличная дорога на Пионерскую поляну. Почему поляну называли Пионерской, до сих пор не знаю. Обычно там устраивали маевки. Первого мая, как положено, все ходили на демонстрацию, а второго – сюда. Тогда по праздникам на поляну выезжал буфет с лимонадом, пряниками, конфетами. В буфете спиртное не продавали, но народ был веселый: танцевал, пел под гармошки, причем несколько коллективов в разных местах поляны. И даже не помню, чтобы драки были. Только между пацанами. Мы дрались с царицынскими, которые жили в поселке Царицыно, что на той стороне Кубани. Каждый отстаивал свой берег. А мы часто плавали на пароме на их сторону за ландышами. Там в лесу были огромные плантации этих цветов. Вот из-за них и случались столкновения, а так драк не было, все жили мирно.

Одной из достопримечательностей Пионерской поляны был казан – здоровый котел. О нем ходили разные легенды. Одна гласила, что это партизанский казан, другая – что цыганский. Цыгане в войну жили здесь в лесу. Когда немцы устроили облаву на партизан, то наткнулись на табор: цыган расстреляли, кибитки подожгли, а казан немцам не понадобился. Так он и валялся, пока один молодой парнишка не приспособил его в самые тяжелые, голодные 46–47-е годы под общественное питание.

А сейчас я выехал на Пионерскую поляну, она так и осталась поляной, почему-то лесом не заросла. Лес обрамлял ее высокими деревьями, а казан как был, так и стоял. Под него в послевоенное время была сделана надежная выкладка из булыжника, потом сделали металлические приспособления, которые позволяли казан переворачивать, чтобы можно было из него выливать что-нибудь, а также, оставляя казан в перевернутом положении, предохранять от дождя и снега. Казан никто не трогал, он был неприкосновенным, даже священным. Им могли пользоваться, затем после себя вычистить, вымыть и оставить в таком положении. У казана никто и никогда не оставлял мусор. Для этого стоял отдельный бак, и все придерживались этого правила – у казана всегда должно быть чисто. Затем на поляне поставили стол, скамейки, и она стала традиционным местом для отдыха. На маевках готовилось общее блюдо – иногда уха, иногда плов, иногда что-нибудь другое. Это зависело от средств, выделяемых какой-либо организацией.

И сейчас стоит казан, напоминая о тех временах.

Я обратил внимание, что на скамейке сидит мужчина и смотрит на казан. Я вышел из машины, стал осматривать въезд на поляну. Всего их было два: один с дороги, которая шла от Сектора, другой – с дороги, которая проходила вдоль Кубани. Я огляделся, заметил «Хаммер» с московскими номерами и внимательно посмотрел на мужчину. Он был одет в дорогой дорожный костюм. Мне стало любопытно, что он здесь делает, почему один, но обращаться к незнакомцу я не стал: он был на приличном расстоянии от меня, а подходить не хотелось.

Я достал спиннинг, воблеры, спустился к Кубани. Внизу была отмель больших размеров. Образую мысок, в этом месте Кубань поворачивала. За этим мыском находилась чудесная заводь. Я присмотрелся, заметил, что вдалеке бьет жерех, выдавая себя всплесками. Я выбрал плавающий воблер, забросил и пустил по течению к тому месту, где была рыба. Когда воблер чуть-чуть перешел то место, где жерех плескался, я стал выбирать и почти сразу почувствовал приличный удар. Я подсек, чувствую: хорошего взял жереха. Пришлось немного побороться с рыбой, но я быстро справился. Попался хороший жерех – килограмма на полтора. Мне нравится ловить такую; мощную, сильную, красивую рыбу, считается, что жерех относится к семейству карповых, хоть он и хищник. Интересно то, что у некоторых рыбаков получается поймать нескольких жерехов в одном и том же месте, у меня – нет. Одного поймал, больше не жди. То ли рыба пугливая, то ли я много шума делаю, когда первого вываживаю. Словом, мне приходится все время менять место. И сейчас я не стал делать еще попыток, а положил жереха в садок и пошел ближе к заводи с надеждой поймать сома. Чувствовал, что в заводи должен быть сом. Поменял воблер: теперь мне нужен был тонущий, и забросил подальше. Чтобы провести воблер через всю заводь, забросил по течению, и оно еще дальше отнесло мой воблер. На спиннинг предварительно поставил мультипликатор, шнур, потому как не известно, какой сом попадется – на килограмм или на все пятьдесят. Такова Кубань, любит сюрпризы. А могла и без ничего оставить, рыбалка есть рыбалка.

Итак, я решил прочесать всю заводь. Внимательно следил за тем, как уплывает воблер, и в определенный момент начал его подтягивать обратно, то опуская, то поднимая. Старался дна не касаться, чтобы воблер не зацепился за утонувшие коряги. Примерно до половины заводи дошел мой воблер, как вдруг легкий удар, и шнур начал плавно натягиваться, уходя от берега. Я немного подождал и сделал подсечку. В тот момент я понял, что зацепил

приличную рыбу. Я сделал натяжку, но рыба не давалась, а леска начала подпевать. Потом замолчала и замерла. Я стал подтягивать – ничего не выходит. Чувствую, что сом лег, надо будет его поднимать. Поднимать тоже можно по-разному. Можно сделать натяжку и держать, выжидая, у кого терпения больше, то ли у рыбы с раненой губой, то ли у меня, постоянно натягивающего шнур, пока не оборвется.

Обрывать не хотелось, поэтому сначала я стал играть на шнуре как на гитарной струне, зная, как не нравятся рыбе подобные дребезжащие волны. Затем легонько ударял по удилице, вибрация от удара переходила на шнур и нервировала рыбу. Если тройник застревал в верхней губе рыбы, то она быстрее сдавалась. Хотя и говорят, что у рыбы жидкие мозги, все равно сотрясение их наступало быстрее, когда крючок цеплялся за верхнюю губу. Поэтому я снова почувствовал, как шнур двинулся в сторону, и началась наша борьба. Сначала рыба попыталась выйти на течение, я ей это разрешил до определенного момента. Когда рыба поняла, что дальше ей никак не продвинуться, вернулась к заводи, давая мне возможность все больше и больше подводить ее к себе. Иногда сом делал попытку уйти вниз по течению, тогда у меня начинал трещать фрикцион, я старался удержать сома, натягивая шнур, и снова немного подводил его к себе. Шла у нас эта борьба довольно долго. Наконец-то сом начал уставать, и я все увереннее подводил его к берегу. За делом я не заметил, как мужчина, сидевший у казана, подошел ко мне и молча стал наблюдать за моей борьбой с рыбой. Я продолжал подводить сома, уже видя, что два крючка от тройника зацепили верхнюю губу рыбы, и она с огромной открытой пастью шла на меня, почти не сопротивляясь. Я стал приглядывать место на берегу, куда бы вытащить сома, как услышал голос сзади:

– Вот сюда, к берегу, к заводинке, там будет удобнее.

Я посмотрел: правда, удачное место, там будет удобно его взять, и стал направлять сома к выбранному месту. Сому это не понравилось, он вновь попытался отплыть назад, но я его удержал. Сом почувствовал свою беспомощность и сдался окончательно. Я спокойно завел голову сома в заводинку, образовавшуюся в результате течения, и снова услышал голос сзади:

– Не возражаете, я помогу?

Я не возражал. Мужчина подошел к воде и, на мое удивление, профессиональным жестом подхватил сома под жабры. Я даже удивился. Мужчина, на вид постарше меня, в добротном костюме. На нем, как мне показалось, все купленное из бутика, кеды адидасовские, точно не китайские. И чувствовалось, что все это сделано большим мастером, по размеру, по его фигуре. Да и сам мужчина обладает удивительной сноровкой: он этого сома враз вытащил на гальку.

Сом был приличный. Весов не оказалось, но мы прикинули, что килограмм восемь в нем было. Это приятный улов.

Я обратил внимание, что у моего помощника на груди висит медаль «За оборону Кавказа». Мне это показалось странным, потому что сейчас уже медали надевали только по праздникам. А в середине августа, в лесу... Тут я снова переключился на сома: «Что мне с ним делать?» – подумал я. В садок рыба не помещалась, тащить ее в машину – конец рыбалке, а я собирался заночевать на берегу. Мужчина почувствовал мое замешательство:

– Не знаете, как поступить?

– Да, хотел еще порыбачить, а тут вроде и заканчивать надо. Улов вроде приличный: жерех да сом. А хотелось и усачей наловить, – ответил я.

– Сделайте кукан. Пусть еще в своей стихии побудет, – посоветовал незнакомец.

Я так и поступил. Пошел к машине, взял добротный шнур, специально захваченный для кукана, вернулся обратно. Сделал кукан, запустил сома в воду. Привязал кукан к колу и оставил рыбу в этой заводинке. Мужчина в это время рассматривал мой спиннинг и воб-

леры. Я не мешал, просто стоял рядом. Мужчина перебирал воблеры, на спиннинге трогал мультипликатор, щупал шнур.

– Вы тоже рыбак? – спросил у него я.

– Да был когда-то. Говорили, даже неплохим.

– А что сейчас?

– Время, время... Вот, приехал, тоже хотел порыбачить, а с чего начать – не знаю. Вот так и просидел. Вы местный?

– Родился здесь.

– Где?

– В Новокубанске.

Мужчина внимательно на меня посмотрел.

– А сейчас где?

– А сейчас в Питере. Приехал в отпуск. А у вас, гляжу, московские номера. Из Москвы?

– Да, тоже приехал время провести.

– Тоже местный?

– Жил когда-то здесь...

– И что, ни родственников, ни знакомых здесь нет?

– Родственников у меня и не было, знакомые были... Переписка прервалась давно, да и работа моя этому способствовала – не попереписываешься лишней раз. И столько времени прошло... Вот приехал и казан узнал, стоит родной.

– Вам казан знаком?

– Еще как знаком, очень хорошо знаком, – сказал мужчина и улыбнулся. Видимо, у него с казаном связаны хорошие воспоминания.

– Наверное, была интересная...

Тут мужчина прервал меня:

– Не буду вам мешать, рыбачьте.

– Да я уже спиннингом не хочу, пожалуй, настроюсь на усачей, люблю их. Да и ловить интересно. Не все знают, что у усача икра в пищу непригодна.

– Да-да, помню, что от нее бывали отравления, действительно, не все знали об этом. Ладно, не буду вам мешать.

Мужчина пошел к машине. Я положил спиннинг, взял две закидных. Закидными мы называли удочки, которые мы делали еще в детстве. Тогда еще не было ни мультипликаторов, ни катушек, поэтому нам самим вручную приходилось делать мотовилу из дощечки, наматывать на нее капроновую нитку (лески позже появились) и вешать груз. Груз отливали сами, выплавляли из пуль свинец и заливали в ложки. Такая форма позволяла течению обтекать груз, и на том расстоянии, на которое мы забрасывали удочку, его не сносило. Сверху груза обычно крепили два крючка. Теперь наша, вернее, заграничная, более развитая промышленность обеспечивает нас спиннингами, электронными сигнализаторами и прочими современными приспособлениями. Это, конечно, значительно облегчает процесс, но мне всегда нравилось поставить донку, расщепить ивовую палочку сверху, заправить туда леску, прицепить колокольчик и удить. Хотя сейчас я и шагаю в ногу с прогрессом и пользуюсь электронным сигнализатором с металлическими или пластмассовыми подставками и катушками.

Я зарядил две донки, поставил на пережат. Такой способ ловли мне нравится тем, что можно поставить стульчик на берегу, не отвлекаясь от основного занятия, загорать и думать о своем. Я обустроил себе местечко, оглянулся. Мужчина уже был со спиннингом, сумкой и направлялся ко мне.

– Пойду вниз по течению, посмотрю, как там, – сказал мужчина и ушел.

Я остался на месте, услышал, как запищал один из сигнализаторов, подхватил донку и вытащил... соменка. Как он очутился на таком течении, не знаю. Потом понял, что груз мой

снесло в заводь. И опять мне вспомнились прежние самодельные грузики в форме ложки. Так как соменок оказался небольшим, килограмма на полтора, проблем с выводом не было. Я его вытащил и бросил в садок. На леску добавил еще груз, чтобы не сносило течением на перекате, и опять забросил донку. Прошло минут семь-восемь, сработал сигнализатор. На этот раз попался именно усач. Не знаю, почему эту рыбу назвали усачом, усы у нее значительно меньше, чем у сома, но тоже имеются. Усач был примерно с килограмм весом. Не успел его вывести, как сработал второй сигнализатор. Подсек. К моему удивлению, это оказался голавль, где-то грамм на шестьсот. Рыбалка шла отлично, что очень радовало меня. Иногда приезжаешь порыбачить, и ни одной поклевки, а тут: и жерех, и соменок, и усач, а сом какой попался...

Конечно, такое бывает при стабильной погоде, и когда вода в Кубани стоит на одном уровне, то есть не было в горах ни дождей, ни активного таяния ледников. А в стабильной воде рыба чувствует себя нормально, поэтому сигнализаторы мои периодически извещали о новой добыче. Когда уже с десятков усачей набралось, я подумал: «А куда мне столько?» – и вовремя остановился. Смотрел удочки, собрал рыбу и пошел на поляну. Там сел за стол у казана и стал вспоминать детство, когда этот казан еще «работал». Было видно, что казаном длительное время не пользовались, на нем появилась ржавчина. Интересно, механизмы, которые удерживают казан вверх дном, еще работают? Я подошел, снял со стопора, повернул ручку, и казан принял горизонтальное положение. Именно в таком положении казан лучше всего обогревался дровами. Выкладка из добротных голышей (так мы называли камни) тоже сохранилась.

Пока я осматривал казан, вернулся мужчина. Тоже с уловом: три приличных жереха.

– Вот какая у меня добыча! – похвастал он.

– Я обычно больше одного жереха не могу поймать, – откликнулся я.

– Да у меня тоже так. Просто меняю место – то выше, то ниже по берегу. Ну, надо бы пообедать? – предложил мужчина.

– Да, пожалуй, можно, – согласился я.

– Так, может, казан используем? – заблестели глаза у мужчины. Я посмотрел на казан.

– Объем-то больно велик для двоих.

– А мы немножко сделаем, – уговаривал мужчину.

– Если так, не возражаю, даже с удовольствием, – снова согласился я.

Мужчина оживился:

– Давайте делить обязанности?

– Давайте. Согласен заняться рыбой.

– Хорошо. Я готов заняться казаном.

– У меня там соменок есть и усачей несколько штук.

– Прекрасно! Сделаем уху. Соменок большой?

– Да килограмма на полтора.

– Давайте сборную уху сделаем: соменка, усача и жереха.

Я пошел к своей машине, достал инструмент, нож и отправился к воде чистить рыбу. Мужчина пошел к «Хаммеру», тоже достал необходимый инструмент и занялся казаном. Пока я возился с рыбой, напарник принес дров, воды, начал промывать казан, причем движения его были четкими, ловкими, уверенными. Хотя по внешнему виду на посудомойку мужчина не похож, но то, что он когда-то уже имел дело с казаном – это совершенно точно.

– Вот, казан отмыл, можно и костер разжечь, – довольным тоном произнес мужчина.

Смотрю, он и с костром на ты. Дрова сложил правильно, разжег быстро.

– Что у вас там? – поинтересовался он.

Я показал очищенную рыбу.

– Многовато будет. Ладно, может, еще кто подъедет, – сказал мужчина.

– Вряд ли. Здесь рядом и народу-то нет. Раньше эта Пионерская поляна пользовалась популярностью, всегда народ был, шумела она. А сейчас, не будь вас, я один бы был, – вздохнул я.

– Вот вы и не один. Вдвоем веселей! – улыбнулся напарник.

Одновременно с разговором он не забывал поправлять огонь. Казан начал нагреваться, вода забулькала.

– А для уха у вас есть что-нибудь?

– Да. У меня брат такой, всегда у него в машине все, что для уха надо, найдется.

– А то я тоже захватил.

– А я уже все принес, – сказал я и показал на стол.

– Да уж, все в коробочках. А брат-то здесь живет?

– Здесь.

– А как фамилия?

Я назвал.

– А Петр Федорович – ваш отец?

Я удивился:

– Да. А вы что, знали нашего отца?

– У-у-у! Еще как хорошо знал.

– А медаль «За оборону Кавказа» он вам вручал?

– Он. Батей мы его звали. Батей он и был. Светлая память ему. Где он?

– На Старом кладбище. В Новокубанске.

– Обязательно посетую. Поклонюсь ему.

– А как вас-то звать?

– А меня звать... Если помнишь – Галуха...

– А-а-а! Галуха-партизан. Конечно, помню. Мы тоже иногда приходили к Галухе-партизану. Вон оно что. А то вижу, больно профессиональные движения у вас: и сома лихо подхватили, и с казаном в два счета справились. А по одежде не скажешь.

– Так ведь этим казаном я когда-то заведовал.

Я сидел и смотрел, как Галуха колдует над казаном, как когда-то. И вспомнился мне 1947 год...

...Мы, пацаны, человек пять из нашего двора, пошли на Кубань ловить рыбу. Сами маленькие, удочки самодельные, но шли мы с большим желанием поймать. Мы тогда слышали, что где-то в лесу, за паромом, есть Галуха-партизан, у которого можно пообедать. Мы думали, что это сказка, но на всякий случай я у матери выпросил кусочек сала. Ловили мы на червя или кузнечика. Удочки делали из орехового дерева, вместо лески – нитка. А вот крючки были настоящие. Мы их выменивали у тряпичников. Хорошую рыбу мы не могли поймать, а вот уклею, пескарей получалось. Мы и этим рыбкам были рады.

Пришли мы к парому, дальше идти не хотелось. Кто-то предложил спуститься вниз по течению, к Колхозной косе, там, мол, хорошо рыба клюет. Решили спуститься. А когда проходили мимо лесной поляны, то услышали шум в лесу. Вышли на поляну – ребят вокруг было много, а на середине стоял вот этот самый казан! Стоял на булыжниках, а под ним горел огонь. Вокруг казана сидели мальчишки, наши сверстники, может, чуть старше. А молодой Галуха колдовал над костром. У стола стояли люди, немногим младше Галухи. Из казана он начал доставать куски рыбы, довольно большие, как мне тогда показалось. Куски выкладывал на железный лист, который лежал на столе. Две девочки и два парня сначала вилками, а потом, когда рыба остыла, руками стали выбирать косточки. В это время Галуха стал сыпать в казан какую-то крупу. Еще один мальчишка, чуть помладше Галухи, по его указанию стал помешивать крупу. Другой пацан подкладывал дрова. А вокруг казана сидели дети разного возраста, от пяти до пятнадцати лет. Все сидели чинно, спокойно, кто с мис-

кой, кто с кружкой, тихо переговаривались. А мы стояли в сторонке, наблюдая за процедурой. Когда косточки были выбраны, ребята стали резать рыбу ножами на мелкие кусочки. Галуха, попробовав крупу на вкус, позвал ребят с железным листом. Те подошли, и Галуха с листа забросил измельченную рыбу в казан. Парень, который мешал крупу, теперь аккуратно перемешивал ее с рыбой. Галуха еще раз снял пробу, добавил соли и позвал очередного паренька. Тот подошел с ведром воды и притушил костер. Когда эта операция была закончена, все встали и выстроились в очередь. Мы по-прежнему стояли в сторонке. Галуха начал раздавать кулеш, как он называл приготовленное им блюдо. Ребята получали порции и рассаживались обратно на свои места. Ели тихо, не спеша, но запах стоял такой, что у нас слюнки текли. Когда Галуха раздал всем ребятам еду, он обратился к нам:

– Подойдите!

Мы послушались.

– Откуда? – спросил Галуха.

– С Хуторка, – ответили мы.

– Есть хотите?

Мы поспешно закивали головами.

– А у вас есть что покушать? – спросил Галуха.

Еда оказалась только у меня.

– Ты оставишь нам? – он вопросительно посмотрел на меня.

Мне было жалко кусочка сала, но я ответил, что оставлю. Галуха что-то сказал, подошла девочка с какой-то книгой, в которую она записала, что ребята с Хуторка дали кусок сала. После этого Галуха позвал другого мальчика, тот принес алюминиевые миски. В них Галуха положил нам кулеш. Я и сейчас так же живо чувствую запах того кулеша, глядя на пожилого Галуху.

И сейчас мы снова на той поляне. Галуха, пожилой уже человек, снова готовит в казане, а я, тоже немолодой, снова сижу в сторонке и смотрю. Даже люблю, как Галуха последовательно, аккуратно кладет необходимые продукты в уху, добавляет специи. Солнце уже клонилось к закату. Стояла тишина, природа была спокойна, и я вместе с ней. Заметив, что дело подходит к концу, я сходил к машине, забрал корзину с продуктами: зеленью, хлебом, колбасой, салом. А также принес бутылку коньяка. Когда я выставил продукты на стол, Галуха одобрил все кроме коньяка.

– Не надо, у меня есть водка.

Пошел к «Хаммеру», вернулся с пакетом продуктов. Набор был стандартным: запечатанные нарезки колбасы, сыра. И бутылка финской водки.

– Конечно, под уху водка лучше, но она финская. А коньяк родной, местного спиртзавода! – возразил я.

– Как? Спиртзавод еще работает?! – искренне удивился Галуха.

– Да, спиртоконьячный завод работает. Выпускает два коньяка: «Большой принц» и «Барон», – гордо ответил я. – Так что будем пить коньяк.

Мы расположились около казана, я достал стопочки, а Галуха снимал последнюю пробу. Он добавил еще что-то и произнес:

– А вот теперь в самый раз! – открыл водку. – Хоть и финская, но ухи без водки не бывает! – Налил стопку, влил в уху, помешал, понюхал: – Нет, не русская водочка, требуется добавить, – подлил водки в уху, снова понюхал, попробовал:

– А теперь можно и приступить!

Галуха разлил уху в миски. Это были специальные миски с деревянными ложками, заботливо уложенные моим братом.

– Давайте за знакомство? – предложил Галуха.

– Да мы вроде как знакомы. Я вот только сейчас вспоминал, как ты нас кулешом угощал.

– Ты помнишь?!

– Конечно, помню. Скольких ребят ты кормил...

Галуха задумчиво посмотрел на меня:

– В самом деле, помнишь?

– Да, помню. Помню, как вокруг тебя всегда была толпа детей, как все они жадными глазами следили за каждым твоим движением в ожидании чуда. И ты совершал это чудо.

Галуха снова задумался. Потом взглянул на меня и сказал:

– Давай, чтобы такого больше не повторилось!

Я налил коньяка, мы выпили и приступили к ухе. Уха удалась на славу. Чем-то она напомнила тот кулеш: может, воздухом, может, кубанской водой, а может, и казаном, сохранившим аромат того кулеша. Многих детей кулеш спас от голода. Это потом отец мне рассказывал, что был такой Галуха – так его в партизанском отряде прозвали. А на самом деле он Гавриленко Виктор. А партизаном прозвали пацаны, так и получился Галуха-партизан. Да, многих, многих детишек спас он в то голодное время. Я решил расспросить, а как получилось, что он стал заниматься таким благородным делом, но увидел, что Галуха думает о чем-то своем, и не стал. Когда с ухой было покончено, он ушел к машине, а вернулся с маленькой газовой плиткой. У меня тоже была, только другой конструкции. Также взял он специальные чайники, заварные-незаварные, и другие современные приспособления.

Он достал пачку чая, но я предложил заварить другой. Я принес заварной чайник, лампу, так как скоро начнет смеркаться, чай – все это у брата всегда было в машине. Вода закипела, я заварил чай, через некоторое время разлили по кружкам и стали пить. Галуха, зажав двумя руками кружку, с удовольствием вдыхал чайный аромат. И с таким наслаждением он это делал, что мне тоже захотелось обнять свою чашку, как дорогого друга.

Последний луч прорвался сквозь листву, осветил его голову. Я сидел и пытался угадать, о чем думал Галуха. Мы сидели молча; последний луч, неизвестно как пробившийся сквозь густую листву, соскользнул с его головы. Сумерки начали быстро сгущаться. На той стороне Кубани зажглись огни. Я достал зажигалку, стал зажигать фонарь.

– У меня есть электрический, – предложил Галуха.

– Нет, будет приятней при этом свете.

Я зажег, поставил на стол. На лице Галухи отразилось что-то вроде улыбки.

– Да при таком приятней, чем при электрическом, – сказал он.

Галуха потянулся за бутылкой, налил по стопке. Мы подняли, чокнулись и молча, думая каждый о своем, выпили. Мы опять посидели, помолчали. Я по новой заварил чай... Сумерки уже превратились в ночь. Было тихо, спокойно. Деревья, окружающие поляну, стали совсем темными. Кубань блестела от фонарей на противоположной стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.